

НАТАЛЬЯ БАКЛИНА

НЕДЕЛЯ СТРАННОГО ЛЕТА

И как ты в это вляпалась, подруга?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Про любовь в мистических
обстоятельствах

18+

Наталья Баклина

Неделя странного лета...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25277870

SelfPub; 2023

Аннотация

Как быть, если жизнь – рухнула? Сбежать на край света! Анна и сбежала, отправившись в поход в место Силы в компании странных людей. Но от себя не убежишь, да ещё соседка по палатке – та ещё провокаторша. Анне приходится разбираться со своими чувствами и желаниями в экстремальной обстановке. И понять, что желания здесь сбываются быстро. Даже высказанные в сердцах. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	45
Глава 4	65
Глава 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Наталья Баклина

Неделя странного лета...

Роман написан на основе впечатлений от одного похода, творчески переосмысленного и разбавленного изрядной долей авторской фантазии. События и персонажи – большей частью выдуманные. Декорации и эмоции – настоящие.

О своём порыве Анна тут же пожалела, поняв, что придётся полностью раздеться и улечься рядом с голым мужчиной. С чужим голым мужчиной. «Только бы не Кирилл!» – взмолилась она, зажмурившись, чтобы не видеть людей вокруг. Легла, вытягиваясь рядом с неподвижной Янкой и прижимаясь к её боку. Бок был ледяным, и Анну пробрало до дрожи. Если бы знать, к чему приведёт побег от мужа! Чем обернётся поход в компании этих случайных людей! И хоть немного представить, какими силами она тут столкнётся и к чему приведёт её взрыв ненависти к Янке! Её жгучее, мстительное пожелание смерти! Но заранее никогда ничего не известно. Всегда случается то, что случается. И сейчас так случилось. И всё, что она может – это исправить то, что возможно исправить. И если ради этого необходимо лежать нагишом посреди леса...

Лесовик поднёс к её губам кружку. Анна послушно глотнула отвара – он горчил и отдавал прелыми листьями – и приготовилась ко всему, что сейчас произойдёт...

Часть первая

Хочу, чтоб она умерла

Глава 1

Анна никак не ожидала, что Ленинградский вокзал в два часа ночи будет переполнен людьми с рюкзаками. Она была уверена, что чудиков, кто в разгар лета пойдёт на Север, а не куда-нибудь в Ялту или Сочи, только на их группу и наберётся. Она даже чуть было не кинулась здороваться и знакомиться с парой ребят с рюкзаками, зашедших в вагон метро на Чистых прудах и доехавших вместе с ней до Комсомольской. Подумала – они из её попутчиков. Но не кинулась, и правильно сделала: те хоть и спешили к тому же поезду, но остановились у девятого вагона. Впрочем, и возле нужного ей тринадцатого уже толпился народ. «Эти – точно наши», – узнала Анна Арсения. Этого кудлатого блондина с белёсыми бровями, организатора и предводителя вылазки на Синьозеро, она запомнила хорошо. Остальной народ за две предшествующих поездке встречи запомнился не очень, и теперь Анна смотрела на всех – на девушку с роскошными густыми волосами и ровным, без эмоций лицом, на невысокого худого курчавого блондина, на ещё одну девушку, смуглую и со-

всем молоденькую, державшуюся поближе к Арсению – как в первый раз.

– Здравствуйте, – кивнула она, подойдя, – не ожидала, что здесь окажется столько людей с рюкзаками.

– Путешествует народ, – отозвался Арсений, переведя на неё взгляд бледно-серых глаз. И Анна в очередной раз поразилась, насколько блёклое и невыразительное у него лицо, насколько сдержана мимика.

– Всем привет! – подошёл к их компании ещё один турист. Его Анна узнала: на второй встрече он сидел на соседнем стуле и напористо выяснял, можно ли будет обратно в Москву улететь самолётом. Вслед за ним подошли рыжеватая женщина и девчушка лет семи. Обе – с огромными рюкзаками за спиной.

– Знакомьтесь, это Римма и Дина, – кивнул турист сначала на женщину, потом – на девчушку.

– Ох, а не тяжело будет вашей девочке? – не сдержалась Анна. Такую кроху тащат в поход с рюкзаком, не дойдёт ведь!

– Нормально, она у нас ходящая, – сделал успокаивающий жест глава семейства, – с семи лет в походы ходит.

– А сколько ей? – удивилась Анна. На вид девчушке и было лет семь, не больше. По крайней мере, её Данька-Данилка в свои девять был гораздо выше и крупнее этой крохи.

– Мне десять, – глянула девочка серьёзными серыми глазами. И Анна заставила себя успокоиться. Дойдёт – не

дойдёт... В конце-концов, родителям виднее!

– Народ, салют! Кого ждём, меня? Я вот она, я уже здесь! – заорали слева.

Анна оглянулась, – к ним приближалась крепкая щекастая девушка. Подошла, скинула с плеча рюкзак в середину круга и гаркнула:

– Степаныч, привет! Чего стоим, кого ждём?

– Здравствуй, Яна, – невозмутимо посмотрел Арсений. – Мы посадки ждём...

– А она уже началась! – весело возвестила Яна и махнула рукой в сторону вагона. – Дождались! Идём, что ли, садиться? Хотя нет, постойте минутку. Андрюха, сфотографируй нас всех!

На Янин призыв отозвался парень, такой же крепкий, черноволосый, щекастый и курносый, – видимо, брат, – и начал щёлкать камерой в мобильнике.

– И кучу рюкзаков сфотографируй! И меня одну! И Степаныча крупно! – вошла во вкус Яна, но Арсений спокойно вытащил свой рюкзак из круга и прервал фотосессию:

– Садимся.

Место Анне досталось аховое – верхняя боковая плацкарта.

– И как мне здесь две ночи ехать?

Она растерянно посмотрела на курчавого блондина-попутчика, и тот понял её правильно:

– Хочешь, поменяемся? На верхнюю небоковую пойдешь?

– Пойду, – благодарно кивнула Анна.

М-да, всё опять не так, как ей представлялось. Ей представлялось, что у них будут места сплошняком, сразу на несколько отсеков. И поедут они большой дружной компанией... А Арсений, похоже, остатки билетов выкупал, места по вагону разбросаны. Хорошо, хоть не возле туалета. Возле туалета места достались самому Арсению и смуглянке, которая так и держалась к нему поближе.

– Посторонись! – рывкнули у Анны за спиной, и она поспешно втиснулась за столик у окна. Два коренастых бородача протащили мимо нечто увесисто-продолговатое. Внесли в соседний отсек и начали искать багажу место. Нечто продолговатое уместилось на третьих полках, образовав перемышку у потолка вагона.

– Катамараны везут ребята, сплавиться собрались, – сказали у Анны за спиной, и она перевела взгляд на голос. Со второй стороны столика сидел парень и наблюдал за вознёй катамаранчиков с неопределённой улыбкой.

– Да, только в плацкарте такое и возить. Ели бы взяли купе, фиг бы они свой катамаран втиснули, – подал реплику блондин, уступивший Анне полку.

– Посторонись! – опять рывкнули в проходе. Теперь по проходу тащили огромный увесистый рюкзак и рывкали на Арсения, пытавшегося пройти к началу вагона.

– Слушайте, ребята, как вы такие тюки вообще поднимаете? – невольно вырвалось у Анны. Её плечи уже ныли от

собственного, пустякового на фоне этих тюков, рюкзака, хотя она и несла-то его от дома до метро, да от метро до вагона.

– А это у нас лёгкий рюкзак, женский, – хмыкнул в ответ парень.

– А какие же тогда у вас женщины? – изумилась Анна. – Где они, покажите их нам!

– А женщины у них в этом рюкзаке. Надувные, – сказал Арсений, выбираясь в наконец освобождённый проход.

И в ту же минуту на нём повисла молодая блондинка:

– Сенечка, милый, здравствуй! Я так спешила, чуть не опоздала! – выдохнула она томным голосом, обвила его шею и впиалась в губы долгим поцелуем. Арсений на поцелуй отвечал с явным удовольствием, оглаживая девушку широкой ладонью по худой спине. Две дамы в возрасте, лежавшие на нижних полках как раз напротив, наблюдали за поцелуем, осуждающе поджав губы.

«Ого! – удивилась Анна. – Ничего не понимаю! У него, получается, с этой томной блонди роман? А как же тихая смугляночка? Просто так к нему жмётся?».

За спиной блондинки возникла шумная Яна:

– Степаныч, дай пройти, хорош обжиматься на проходе!

Поцелуй прервался, и Арсений повёл блондинку к полкам возле туалета. Яна двинулась следом и зачарованно застыла, увидев тюки соседей:

– Мужики! Я горжусь, что еду с вами! Только настоящие мужики могут утащить столько груза! Что там у вас, если не

секрет?

– Рюкзак спиртяги, рюкзак закуски, и так, по мелочи, – растаял от похвалы самый молодой из мужиков и постучал по массивному тюку на третьей полке. Рюкзак стеклянно звякнул.

– Во, слышишь?

– Ну, вы – мужики! Ну, вы – сила! – восхитилась Янка, пошла дальше и уже через минуту опять шумела на весь вагон:

– Ненавижу нижние полки! Кто со мной поменяется? Рядом со Степанычем нижняя полка, меняю на верхнюю!

– Во, атаманша, а?

Это сказал парень, сидевший с Анной за столиком, и она отвлеклась от Янкиных криков.

– Не дай бог такой в руки попасть, нагрузит по полной программе! – продолжал он.

– Точно, ещё и свой рюкзак сверху навесит, скомандует нести, и понесёшь как миленький! – согласно покряхтел блондин.

«Ага, боитесь сильных женщин», – мысленно усмехнулась Анна. Лично ей Янка понравилась: девушка без комплексов, что на уме, то и на языке. Было всё интереснее наблюдать, как разворачиваются события, – она будто спектакль какой-то смотрела. Тем временем в их отсеке появились ещё двое – мужчина явно за сорок и парень лет семнадцати.

– Так, Павлик, вот твоё место, – хлопнул мужчина по свободной верхней полке. – Располагайся. Всем привет! Мы

едем в одной группе!

– Здравствуйте, – кивнула Анна.

– Давайте знакомиться, – предложил мужчина и первым сунул ей неожиданно горячую ладонь, – Андрей! А это – Павел.

– Анна, – кивнула Анна сразу обоим, и мужчине и пареньку.

– Сергей, – представился блондин.

– Кирилл, – сверкнул улыбкой парень за столиком, и Анна словно споткнулась.

Отстранённость, с которой она наблюдала за попутчиками, дала трещину... «Что такое? В чём дело? Ну, Кирилл, ну зовут парня так же, как этого... Ну и что с того? Ты зачем, матушка, в этот поход сорвалась? Чтобы отвлечься и забыть? Вот и забывай, и нечего за имя цепляться. Наблюдай лучше за народом, вон, забавные какие собрались. И не смей страдать!»

Поезд тронулся плавно, без рывков, почти незаметно. Соседи-катамаранщики накрыли столик и, несмотря на полуночное время, раскупорили литровую бутылку водки. Проводник проверил билеты, Анна забралась к себе наверх. Думала, что уснёт не скоро, будет ворочаться, как ворочалась дома вот уже две недели. Но нет, стоило только коснуться подушки, и стук колёс слился в сонный гул, баюкавший её до самого утра.

Первое, что Анна увидела утром – серые глаза Кирилла.

Он лежал на нижней боковой, смотрел в её сторону и, пой-
мав её взгляд, улыбнулся:

– С добрым утром!

– С добрым, – холодно кивнула Анна, лихорадочно при-
кидывая, насколько сильно помято её лицо. М-да, давненько
её не разглядывали по утрам чужие мужики. А если честно,
то и вообще никогда. И как-то не хочется выглядеть лохуд-
рой...

Она сползла вниз, стараясь быть максимально грациоз-
ной, и поспешила в туалет. На местах перед туалетом, где
ехал Аресний, на одной из нижних полок спали двое: из-
под простынки, натянутой на головы, выглядывали широкие
мужские ступни и узкие девичьи. Вторая нижняя полка оста-
валась пустой. На одной из верхних полок спала девчушка,
что вчера влюблённо жалась к Арсению («Так и есть, у него
роман с блондинкой, это она с ним под простынёй» – дога-
далась Анна), вторая верхняя тоже пустовала. («Интересно,
куда Яна делась? Ага, вон, на третьей полке лежит, альпи-
нистка»). Впрочем, все эти рокировки с полками её интере-
совали постольку-поскольку. Главное было понять, какое у
неё спросонья лицо.

Лицо, отразившееся в мутноватом туалетном зеркале, бы-
ло не таким уж и мятым. Глаза только припухли. А так – ни-
чего. Гораздо лучшая картинка, чем она видела в домашнем
зеркале последние две недели. Так что зря она, наверное,
отворачивалась от Кирилла. На такую физиономию пусть

смотрит. Это даже приятно. И вообще, а не закрутить ли ей лёгкий романчик? Не развеяться ли? Парень-то и вчера на неё поглядывал – когда за столиком сидела, щекой его взгляд чувствовала, – и сегодня её, спящую, похоже, разглядывал... «А что, натяну нос Кирюхе с его тёзкой, будем квиты... Он думает, только ему можно... А вот и я не лыком шита, не пальцем делана! И на меня смотрят... молодые». Анна хмыкнула, показала себе в зеркале язык и пошла в вагон. Поход ей перестал казаться авантюрой и обещал превратиться в интересное приключение. Интересно, сколько ему? Лет тридцать пять, наверное. А ей сорок, подумаешь, пять лет разницы.

Мысль, что она нравится этому, другому, Кириллу, гре-ла Анну до обеда. Тем более, что он то ли вежливость проявлял, то ли взялся ухаживать... За чаем сбегал, картошку от мундира для неё очистил, помидоры нарезал, придвинул. Правда, и картошка, и помидоры из пакета Сергея-блондина были, ему жена в дорогу собрала. Но Анна отмахнулась от этой мелочи – хлопоты Кирилла ей были приятны. Хотя неопределённость (Вежливый? Или ухаживает?) всё портила. Ей хотелось развития отношений, но она не представляла, каким образом. Легко сказать: закручу романчик. А с чего начать? Пококетничать, что ли? Знать бы ещё, как! Да и не было у неё полной уверенности, что Кирилл ухаживает. Может, он просто воспитанный такой, а тут она, дура-дурой со своим кокетством.

Все эти мысли шли параллельно болтовне за столом с блондином Сергеем.

– А ты чем в Москве занимаешься? Где работаешь?

– Да нигде сейчас не работаю. Вообще-то я бухгалтер, но после того как у Арсения тренинг по построению целей прошёл, понял, что работа эта у меня во где, – он попилил у горла ребром ладони.

– Построению целей? Как это? – встрепенулась Анна.

– Ну, чётко выстраивать цели, понимать, зачем тебе нужно то, чем ты занимаешься... Короче, умение задавать себе вопрос «Зачем?», – объяснил Сергей. – Я вот задал, и послал работу к ядрёной бабушке.

– И на что теперь живёшь? – спросила Анна после паузы, переждав взрыв веселья за своей спиной. В соседнем купе Янка играла в преферанс с «катамаранщиками» и отчаянно матюгалась на «непруху».

– Да пока есть на что. Я фирму открывать собрался. Консалтинговую, по организации бухучёта на предприятии. Ну там, знаешь, программы бухгалтерские, складской учёт, – Сергей покрутил в воздухе бутербродом с колбасой, откусил и придвинул к Анне пакет с нарезкой сервелата – Бери, вкусная колбаса.

– Нет, спасибо, я уже на жизнь без мяса перешла, – отказалась Анна. – Раз в походе без мясного живём, то я и здесь лучше картошки с помидоркой поем.

– Зря! – ещё раз откусил от бутерброда Сергей. – Больше

недели ведь без мяса будем, надо подготовиться! Кирилл, а ты чего колбасу не берёшь, тоже на вегетарианский режим перешёл?

– Да я из него и не выходил, – улыбнулся Кирилл, посмотрев на Анну. – Я ведь сюда прямо из Жизниграда поехал. Неделю там провёл, тоже без мяса, привык уже.

– А где этот Жизниград? – сосредоточилась Анна, перебирая в памяти названия подмосковных городков.

– В этом году в Луховицах сделали, – Кирилл постучал по углу столика сваренным вкрутую яйцом.

– Так это не город! – догадалась Анна.

– А ты что, не слышала о нём? – удивился Сергей. – Это же культовое место московской эзотерической тусовки!

Анна неопределённо повела плечом – не слышала.

– Его летом проводят, обычно в июле, – начал объяснять Кирилл, перебив Сергея, который хотел о чём-то спросить Анну. – Собирают палаточный городок в каком-нибудь месте, и приехать туда могут все желающие. И московские ребята, которые ведут свои тренинги по всяким духовным практикам, там устраивают бесплатные семинары, знаешь, вроде презентаций.

– Духовные практики? Ты имеешь в виду йогу, цигун, холотропное дыхание и тому подобное? – сообразила Анна. Про эти штуки она наслышана, спасибо подруге Жанке, прощает время от времени. Да и на сайтах почитала, пока бродила в тоске по Интернету.

– Ну да, и это, и ещё много чего. Там много интересного. От Арсения девушка была, Вета, показывала его метод работы с голосом. Я с ними и попел душевно, и подвигался.

Кирилл прикрыл глаза и повёл плечами, сохраняя на лице свою неопределённую полуулыбку. Анна отметила пластику: ей вдруг представилось, как гибко и свободно будет двигаться этот человек, дай ему место.

– Ты танцор?

– Я? Нет, – снова улыбнулся Кирилл, открыв глаза и опять поймав взгляд Анны. – Я строитель.

– Дома строишь?

Анна перевела взгляд на кружку с чаем. Что же происходит такое? Почему он так на неё смотрит, и почему она не может долго выдерживать его взгляд?

– Нет, не дома. Мы пустые заводские корпуса в бизнес-центры переделываем. Недавно бизнес-парк «Парус» закончили.

– Так это вы его делали? – встрепенулась Анна. Я знаю это место, там редакция «Зоны влияния» находится!

– А ты там работаешь? – отчего-то обрадовался Кирилл.

– Нет, уже не работаю, – потухла Анна. – Так, пишу им иногда.

– Ну, и как тебе дизайн интерьера редакции? – не унимался парень. Ему явно хотелось похвалы.

– Интересно получилось, стильно. Я ведь с нуля наблюдаю, как всё меняется.

Анна вспомнила пустые цеха с проёмами вместо окон и крутую щербатую лестницу.

– Вы там мощно всё переделали, из руин такую штуку собрали. Только не люблю я этот «хай-тэк», у меня от него мороз по коже. И когда людей всей кучей собирают в комнатах с перегородками, как в курятнике, тоже не люблю.

– Ну, заказчик так захотел, – пожал плечами Кирилл, и Анна согласно кивнула. Ей ли не знать, чего хотел заказчик.

Она по этому поводу с Виктором, владельцем-издателем, спорила до хрипоты, доказывала, что людям нужны комфортные условия, особенно творческим. А сидение в одном загоне, пусть и разгороженном, это издевательство над персоналом. Но потом, когда Анна ушла из журнала, Виктор всё-таки сделал по-своему. И девчонки, когда она к ним забегала по старой памяти, жаловались, что в этих бывших цехах, среди голого кирпичного пространства, сдобренного стеклом, стальным профилем и блестящими алюминиевыми воздуховодами, змеящимися под высоченным потолком, они чувствуют себя мелкими шестерёнками какого-то бездушного механизма. И журнал, изданный в этом цеху, явно стал хуже, безжизненнее, что ли. Или это ей хотелось, чтобы таким стал?

Сергей, пока они обсуждали плюсы и минусы «хай-тэка», сбежал выбросить мусор и вернулся, крутя курчавой головой.

– Ну, народ даёт! Там у Арсения ладят друг друга в круговую, человек шесть собралось, куча-мала!

– Что там делают? – не поняла Анна.

– Ладят! Это массаж такой, славянский, – объяснил Кирилл. – Хочешь, ноги тебе полажу? Поправлю, к походу подготавливаю.

«Ага, всё-таки ухаживает!» – смекнула Анна и огляделась, не смотрит ли кто. Тётки на нижних полках читали газеты.

– А где поправлять будешь?

– Да здесь. Сейчас столик уберём, сядем на полке, я тебе ножки и промну. Хочешь?

– Давай, – кивнула Анна, слегка волнуясь. Вот оно, начинается роман!

Кирилл собрал полку, уселся сам и усадил Анну ногами к себе. Осторожно помял стопу, прошёлся медленными бережными движениями по икре, будто лепил её заново. Поначалу было приятно, а потом лёгкое надавливание в середине икры оказалось болезненным.

– Больно!

Кирилл посмотрел внимательно:

– Я совсем легко касаюсь. Что-то у тебя тут сидит. Ты знаешь, что в ногах законсервированы все наши плохие эмоции и стрессы?

– Да? Ну, тогда у меня тут полно консервов, – пошутила Анна и опять зашипела от боли.

Однако после нескольких надавливаний болезненность из икры ушла, и нога будто наполнилась лёгкими прохладными

пузырьками.

– Отпустили твои зажимы, – улыбнулся Кирилл, не сводя глаз с её лица. – У тебя даже правая сторона лица изменилась, расслабилась. Давай, левую ногу поправим.

Он опять размял ей стопу, теперь левую, покрутил ногу в голеностопе, начал проминать икру лёгкими чуткими пальцами. И вдруг очередное надавливание отозвалось болью, от которой защемило сердце. Точно так же сердце щемило тогда, после того ужасного, невозможного телефонного звонка.

– Кирилл! – глухо сказала Анна вставшему перед глазами лицу мужа и шумно задышала, стараясь не разреветься на потеху соседкам, подглядывающим из-за газет на их массажное действо.

Другой Кирилл взглянул вопросительно, но Анна уже закрыла глаза и тихо постанывала, пытаясь справиться с валом нахлынувших вдруг эмоций. Она еле дождалась, пока он закончит со второй ногой, благодарно кивнула и полезла на свою полку. Сдерживать слёзы уже не было никакой возможности.

«Почему я сразу не заметила, что он так похож на Кирюху? – думала Анна, накрывшись одеялом с головой и сглаживая солёные слёзы. – И повадки те же, и вкрадчивость эта располагающая. И даже подходы всё те же, массажные, как у Кирюхи». Она глухо всхлипнула под одеялом и перестала сопротивляться воспоминаниям. Да, массаж. Именно с этого у них всё и началось.

Анне тогда было почти тридцать, и она считала себя верной женой. Правда, в последние пару лет Дмитрий Ильич что-то совсем перестал её радовать. Но ведь физиология же не главное, что может быть между мужчиной и женщиной? Ведь душевная близость гораздо важнее какого-то там пошлого секса, разве нет? Про близость и физиологию Анна себе твердила, начиная, наверное, с третьего года их брака. Именно тогда у Дмитрия Ильича начали случаться в постели осечки, и Анна, напоминая себе, что зато у них полная духовная близость, как бы замазывала этими напоминаниями проблемы близости физической. А что делать? Разница в возрасте даёт о себе знать. Это когда она замуж вышла двадцатилетней студенткой, он был красавцем мужчиной сорока шести лет, а теперь уже за пятьдесят ему...

Дмитрий Ильич читал у них на факультете журналистики теорию и практику тогда ещё советской печати и приносил на занятия по стилистике кипы районных газет. Они, студенты, на этих газетах учились, как не надо писать. Разбирали бесконечные перлы районных акул пера – там были и «налитые золотистым солнцем тугие колосья», и «неутомимые стальные труженики полей», и «горящие трудовым задором светлые лица колхозников» и даже, Анна до сих пор помнила, «повышенные обязательства крупного рогатого скота удвоить надои вдвое».

Все эти перлы Дмитрий Ильич разбирал с таким виртуоз-

ным остроумием, что студенты чуть ли под столы не сползали от смеха. Коровы, взявшие на себя повышенные обязательства по удвоению надоев, рассмешили настолько, что Анна даже лбом о крышку стола тюкнулась – сложилась от хохота пополам. Тюкнулась, быстро выпрямилась, встретилась с весёлым взглядом Дмитрия Ильича. И поняла, что влюбилась.

С месяц она млела, поедая глазами своего кумира и ни на что не надеясь. Да и на что тут было надеяться? Кто она? Невзрачная замухрышка в немодной юбке и пёстром свитере, связанном мамой из ниток, добытых из старых распущенных кофт. Робкая девственница, которой всегда нравились яркие мужчины, не обращавшие на неё никакого внимания. И кто он! Уверенный в себе профессор, блестящий, остроумный, неотразимый! А потом Дмитрий Ильич пришёл к ней домой с букетом цветов и попросил у мамы руки её дочери. Аниной руки. «Ань, ты-то как, согласна?» – повернулась ошеломлённая мама в её сторону, но, увидев глупо-счастливое лицо дочери, застывшей с недопитой чашкой чая в руках, не стала дожидаться ответа. «Если Аня согласна, то я-то что. Женитесь. Вы человек взрослый, серьёзный, за поступки свои отвечаете».

Так Анна стала женой профессора Костина. И, в общем-то, почти все десять лет их совместной жизни она ни разу об этом не пожалела. Или почти ни разу. Не считать же случаи невольной досады, когда Дмитрий Ильич отваливал-

ся от неё, разгорячённой, и бубнил: «Прости, девочка моя, что-то я сегодня не в форме. Иди на плечико, я тебе спинку почешу». Анна подставляла спинку и вспоминала, какой он у неё умный, какой талантливый, сколькому он её научил. Это ведь только благодаря ему она узнала, что такое жизнь в достатке, когда не надо считать рубли до получки, штопать колготки и маскировать аппликацией поеденное молью пальто. Это ведь благодаря его школе она стала таким классным журналистом. И редактором городского еженедельника она стала с его подачи. И собеседник он потрясающий, столько всего знает. И человек хороший, уважает её. И любит. А секс... Да бог с ним, с сексом. Правда, ребёночек у них никак не получается, это жаль. Ну да ладно, им пока и вдвоём хорошо, без ребёночка.

Последние два года вспоминать про таланты мужа ей приходилось постоянно – Дмитрий Ильич всё чаще приглашал её на плечико, иной раз даже и не делая попыток приласкать как-то ещё. Анне уже и сны стали сниться эротические, совершенно дикие, где она отдавалась каким-то грубым чужим мужикам в каких-то странных и непотребных местах. Ситуации в снах были неправдоподобными, а вот оргазмы от них – самыми настоящими, такими, что тело корчило в сладких судорогах и требовало своего...

Кирилл будто услышал эти призывы. Он был аспирантом Дмитрия Ильича и пришёл как-то к ним в дом обсудить с профессором какие-то моменты своей диссертации.

Дверь ему открыла Анна и с первого взгляда на мускулистый торс, обтянутый тонким джемпером, почувствовала томление, схожее с тем, что накатывало на неё в душевных снах.

Анна тогда накрыла мужчинам чай в большой комнате, а сама ушла, отговорившись, что у неё срочный материал в газету. Находиться в одной комнате с Кириллом она не могла – низ живота начинал ныть от одного его взгляда в её сторону.

– Анечка, может быть, ты посидишь с нами хотя бы пять минуток? – окликнул её муж через полчаса.

– Дмитрий Ильич, не могу, у меня жутко разболелась голова! – почти не соврала Анна. Голова и вправду стала тяжёлой от пульсации в висках и усилий прогнать видение мужского лица, крепких рук, поджарой широкоплечей фигуры, так и стоявших перед глазами и заслонявших листы с редактурой. Да, а у Дмитрия Ильича руки тонкие стали совсем. А живот вырос и округлился.

– Головные боли у вас от перенапряжения мышц плечевого пояса и воротниковой зоны! – Кирилл вошёл в её кабинет, и Анна почувствовала, что не может дышать. – Вам нужен массаж, а то так и до остеохондроза недалеко.

– Да где же взять массажиста? – пробормотала Анна, слегка повернув голову в сторону Кирилла.

– Ну, хотите, я вам плечи помну? Я умею!

Не дожидаясь ответа, Кирилл шагнул к Анне и начал быстрыми точными движениями проминать мышцы где-то на загривке. Анну от его рук будто током пробило, и она не

сдержала стона – все силы ушли на борьбу со сладкими конвульсиями, которые были на подходе.

– Больно? Это потому что мышцы забиты. Вам бы таких сеансов десять, и сами расслабитесь, и головные боли прекратятся.

Кирилл быстро продавил мышцы на её шее и отступил.

– В общем, советую вам найти себе опытного массажиста.

– А и вправду, Анечка, что-то ты со своей работой совсем заскорузла. И сутулиться начала, – сказал от дверей комнаты Дмитрий Ильич. – Надо позвонить в поликлинику, договориться, чтобы тебя на массаж записали.

Ночью ей опять снился эротический сон, только в этот раз главным действующим лицом (и не только лицом) был Кирилл. А утром, когда она сидела дома, заканчивая редакторскую правку, а Дмитрий Ильич читал лекции на факультете, в дверь позвонили.

– Ты? – отшатнулась Анна, увидев в дверях Кирилла.

– Я. Тебе ведь нужен опытный массажист? – шагнул он через порог. И Анна забыла, что она верная жена и вообще перестала понимать, проснулась ли она, или Кирилл ей всё ещё снится.

Конспиративные массажные процедуры они продолжали примерно с месяц, выискивая способы встретиться то у неё в квартире, то у него в аспирантском общежитии, то в квартире у мамы, так кстати уехавшей к сестре в деревню. Потом Анна поняла, что беременна, Кирилл понял, что им нуж-

но жить вместе. Дмитрий Ильич тоже всё понял – развод он дал без лишних осложнений и даже поднял кое-какие свои связи, когда узнал, что Кирилл с Анной собираются уехать в Москву. Благодаря его хлопотам Кирилла взяли парламентским журналистом в одно из центральных изданий. Анна, пока не родила Даньку, тоже пописывала в эту газету внештатно, за гонорары. И все десять лет, не считая последних нескольких месяцев, Анна ни разу не пожалела, что рассталась с Дмитрием Ильичом. Их отношения с Кириллом она считала душевными, доверительными и сексуальными. Такими, какой и должна быть, по её убеждению, настоящая любовь.

Глава 2

– Народ, я предлагаю всем собраться в нашем купе! Будет вводная часть тренинга!

Зов Арсения вытащил Анну из воспоминаний. Встряхнувшись, она спустилась со своей полки, пришла, села почти у самого окна, сразу после Янки. Рядом пристроилась томная блондинка, потом сел Арсений. Народ на полке напротив расселся тоже тесно – к девушкам, той, что с бесстрастным лицом и смуглянке, что жалась к Арсению, добавился незнакомый синеглазый парень с тёмной щетиной пробивающейся бороды и ещё одна, тоже незнакомая, девушка. Оба они, и парень, и незнакомка, выглядели необычно и очень контрастно. Парень – коренастый, кряжистый, медлительный, эдакий... Анна задумалась, подбирая сравнение... Нет, не медведь, мелковат для медведя, скорее – барсук. Девушка – тоненькая и порывистая, как оленёнок. И глаза соответствующие – миндалевидные, ясные, слегка испуганные. И парень, и девушка, были похожи на иностранцев. Он – на испанца, она – на индейскую женщину из племени майя. Именно так почему-то Анне и подумалось – майя.

Полки были забиты – дальше некуда. Однако, когда в проходе растерянно застыл Андрей, тот, что отправился в поход с сыном Павликом, народ на нижней полке напротив Анны смог потесниться ещё: просто сбились в многорукий-многорукий

ногий клубок, освободив на полке пятое место.

Арсений медленно обвёл собравшихся взглядом светлых серых глаз.

– Народ, для начала я вам хочу рассказать про славянскую массажную практику. Она вам понадобится расслаблять мышцы после переходов. И понадобится обязательно, потому как многие из вас долгое время дальше, чем от дома до машины и от машины до офиса не ходили. И мышцы ваши с непривычки начнут болеть. И их надо будет ладить.

«Ага, Жанночка, будет и мне что рассказать тебе по приезде», – мысленно пообещала Анна, слушая про новый диковинный массаж. Массаж оказался совершенно простым – нужно было представить, что ты работаешь не с поверхностью руки, ноги, спины или головы – какую ты там часть тела мять собрался – а с объёмом, который эта часть тела занимает.

– Смотрите, вы как бы втекаете в пространство тела, – Арсений вытащил чью-то ногу из кучи-малы напротив. Нога была женской, но Анна так и не поняла, чья именно. – И начинаете его обминать, будто с глиной работаете, – он сделал плавное движение ладонями, – Или с тестом. Главное, не включать голову, не одумляться, тогда руки сами найдут места, где собрались напряжения и начнут их разглаживать. Попробуйте сами. Ноги мы пока трогать не будем, помните друг другу кисти!

Пришёл Кирилл, сел через проход, на самом краешке бо-

ковой нижней полки. Анна внимательно разглядывала свою кисть, старательно не замечая Кирилла. Поработать с ним в паре? Что-то страшновато после недавнего приступа! Но если он позовёт...

Позвала Янка.

– Паша, Паша, иди сюда, давай с тобой размассируемся! – заорала она над ухом Анны, делая приманивающие движения. Анна вздрогнула и поискала глазами Павлика. Павлик нашёлся на верхней полке, однако рукой Янка махала явно в другую сторону.

– И где я тут помещусь? – сказал Кирилл. Почему-то на Янкин призыв откликнулся он.

– А вот сюда лезь, – пригласила Янка и похлопала по небольшому промежутку между собой и Анной. Кирилл, который так охотно отозвался на Пашу, полез. Анна подвинулась, тихо негодуя на и шустрюю девицу, и на Кирилла. На всех полках произошли перемещения и разделения на пары, настоящий Павлик протянул руку блондинке, и в итоге Анне в партнёры достался папа Павлика, Андрей.

– Попробуем? – озадаченно глянул на неё мужчина, и Анна поняла, что ему тоже неловко. Улыбнулась ободряюще и протянула руку. Приняла осторожные разминания и поглаживания – очень уж робко он общался с её кистью, будто боялся причинить боль. Потом сама взяла тяжёлую мужскую руку, закрыла глаза, представила, что это ком теста и стала месить-перемешивать, поражаясь, насколько гибкой и

податливой оказалась кисть, будто не кости там у мужика – пружинки. Ладить его руку было приятно.

А урок продолжался.

– Нам серьёзный кусок пути через камни пробираться, и если поймёте, как их обтекать, сэкономите очень много сил, – говорил Арсений. – Вот смотрите, камни – это плотности. То, что между камнями – пустоты. Обычно люди преодолевают плотности и тратят силы на борьбу. А можно видеть пустоты и идти по ним, без борьбы. Сейчас покажу, как их увидеть. Только мне нужен помощник.

Он оглянулся в поисках...

– Вот ты, Андрей. Обхвати мне запястье пальцами. Давай, хватай.

Андрей стиснул запястье Арсения, тот подёргал кистью, проверяя – крепко ли. И продолжил:

– Вот, видите, пытаюсь выдернуть кисть, побороть Андрея, я противодействую плотностям. Могу, конечно, на силе вырвать, но лучше не буду, дабы не травмировать свою руку, или руку Андрея. А могу вызволять руку, обтекая плотности и выходя из захвата по пустотам. А они есть, и если прислушаться к руке, посмотреть телом, они ощущаются!

Рассказывая, Арсений шевелил кистью, и вскоре вынул руку из захвата.

– Теперь вы, в парах!

Анна подставила запястье Андрею, почувствовала, как крепко сошлись его пальцы и, прикрыв глаза, повращала ру-

кой, ища что-то вроде слабины в этом захвате. Пальцы держали цепко.

– Ань, ты не борись с ним, – тут же подсказал Арсений. – Ты почувствуй свою руку и его. И почувствуй, где в его руке остались пустоты. И вытекай по ним, как будто твоя рука без костей.

Как это без костей? А куда они денутся? И, тем не менее, Анна закрыла глаза, сосредоточилась на своём запястье. Действительно, с одной стороны захвата есть щель... Она представила, как её рука туда выскользывает, поворачивала кистью, и рука вскоре освободилась. Невероятно!

– Теперь ты! – протянул свою руку Андрей, и Анна ухватилась за его запястье сразу двумя ладонями – в один обхват не получалось.

– Отлично! – подметил Арсений. – Андрей, при таком захвате вдвое больше пустот, ещё легче освобождаться!

Андрей кивнул и действительно гораздо быстрее, чем Анна выскользнул из её пальцев.

– Ну, давай, Паша, давай! Молодец! – заликовала у окна Янка, и Анна мимолётно поморщилась. И чего она его Пашей называет? А он почему не говорит, что Кирилл?

– У всех получилось? Отлично, – завершил весёлую возню Арсений. – Вот по такому принципу и по камням пойдём – будем их обтекать по пустотам пространства.

Он подождал, пока все успокоятся и продолжил:

– Теперь вот ещё что. Место, куда мы едем, непростое, тре-

бует к себе осторожного и уважительного отношения. Поэтому предлагаю заранее договориться о нескольких вещах, которые избавят нас от лишних приключений.

– Степаныч, ты что! Я ж как раз и еду за приключениями! – заблажила Янка.

– Тебе хватит, – пообещал Арсений и продолжил, – Первое: никто никуда не уходит далеко, не сообщив остальным. Второе: если уходит, то минимум с одним товарищем. Третье: каждый относится к каждому бережно и доброжелательно. Принимаются договоры?

Народ закивал.

– Отлично. Теперь о целях. Каждый из вас поехал с определённой целью. Я предлагаю сейчас разбрестись по своим местам и записать в блокнотах, зачем вы едете на Синь-озеро. Да, не забудьте потом очертить ваши записи, – Арсений нарисовал в воздухе кружочек.

«И какие у меня цели?» – думала Анна, забравшись на свою полку.

Вот ведь, Жанночка, подруга дорогая, присоветовала релаксацию. Анна улыбнулась, явственно услышав напористый Жанкин говорок: «Переключись, причём радикально. Купи путёвку, съезди куда-нибудь, где тепло, на песочке поваляйся, роман с кем-нибудь закрути. Быстро своего мужа-идиота из головы выбросишь и опять станешь трезвомыслящей умной бабой, а не размазнёй сопливой. Смотреть на тебя не могу на такую!» Именно в тот момент мысль пойти куда-ни-

будь с рюкзаком и показала её вполне здоровой. В последний раз, он же и первый, она ходила в поход в пятнадцать лет. Тогда это для неё стало событием, и теперь опять захотелось событий. Не тех странных, мутных и лживых, что закрутили её в последние полгода, а чистых, ясных, солнечных, как в детстве. Именно поэтому она набрала в Интернете в поиске «пеший поход» и стала изучать список открывшихся ссылок. Этот недельный поход на северное озеро она выбрала по двум причинам. Во-первых, отчего-то захотелось побывать на Севере. Может оттого, что Кирилл уехал на юг? Во-вторых, завораживало название места: Синь-озеро. Да и в описании говорилось что-то о Гиперборее, колыбели славянской нации, о безвременьи полярного дня, а поход был не просто походом, а тренингом по славянским практикам.

«Так чего же я хочу от этого похода? Убежать от себя? Или от Кирилла? Или... вспомнить детство?» – вернулась Анна к целям и задачам. Неясное томление где-то под ложечкой подсказало – скорее всего, третье. Она подумала и написала на клетчатом листочке: выйти из ситуации и посмотреть на неё со стороны; вернуться в детство; понять, как жить дальше. Очертила строки неровной петлёй и огляделась.

Сергей на соседней полке хмурился над своим листком, почёсывая ручкой переносицу. Кирилл, сидя с ногами на боковой нижней полке, быстро писал в блокноте, пристроив его на коленках. Потом поднял голову, убрал от лица волосы, глянул сквозь Анну и опять склонился над страничкой.

«Интересно, какие у них цели?» – мимолётно подумала Анна, отложила блокнот и прислушалась.

В вагоне слышалось пение. Далёкое, но очень отчётливое. Пели хором, сильные женские голоса выводили чистую мелодию без слов. Что-то похожее звучало в старых советских фильмах, когда режиссёру требовалось музыкальное сопровождение видам родных просторов. Картины таких просторов – привольные раздолья, занимавшие экран не меньше минуты – плюс закадровое хоровое пение вызывали у маленькой Ани особое чувство. То ли умиление, то ли гордость, что посчастливилось родиться в этой замечательной, великой, красивой стране... Сейчас такое в фильмах не показывают. В кинотеатрах в основном голливудские красоты, там своя музыка. А по телевизору вместо просторов всё больше паузы рекламные. Да и страна с годами в её сознании съёжилась, поблёкла, подрастеряла былое величие.

«Радио, что ли, включили?» – она попыталась угадать, откуда поют, перевернулась на живот, выглянула в окно и замерла в восхищении.

За окнами были вода и солнце. Солнце уже клонилось к закату. Светило не спешило – по северным лимитам сиять ему ещё было долго, почти до полуночи. И потому, совершая медленный закат, солнце щедро и с наслаждением плодило свои отражения в озерках, раскинувшихся за окнами вагона бесчисленной россыпью. Анна с восторгом глядела на голубую воду в золотых солнечных блёстках, на свежую зелень

кустов и деревьев, изредка мелькавших вдоль рельсов, на лодку-плоскодонку, живописно приткнувшуюся у прибрежных камешков, слушала далёкий мелодичный хор женских голосов... И тут на неё нахлынуло ощущение, то самое, из детства – ощущение счастья от того, что она видит это величие, что живёт рядом с такой красотой и с такими просторами.

– А здорово рельсы звучат, будто поют! – сказал Сергей. Он тоже уже лежал на животе и наслаждался видом из окна. «Рельсы? Надо же, это рельсы поют!» – почти не удивилась Анна. Она их понимала. Жить в такой красоте и не петь почти не возможно!

– Мужики, кто пойдёт со мной курить? Только курим ваши! – Янкин вопль в соседнем купе заставил Анну поморщиться. «Ну что она, в самом деле, орёт-то всё время! Неужели нормальным голосом нельзя разговаривать!» Девчонка начинала раздражать – любая энергичность в таком количестве поперёк горла встанет.

– Аничка, я иду, – сказал, заикаясь, пьяный голос одного из соседей, и Анна нахмурилась – вдобавок ко всему эти орлы-катамаранчики ещё Янку в её тётки переделали!

Девчонка увела курить своего пьяненького кавалера, а Анна вдруг поняла, что не слышит больше пения рельсов. И вид за окном сменился – озеро кончилось, мелькали деревца какого-то лесочка. Безбрежное пространство, от которого только что захватывало дух, будто свернулось, хлоп-

нулось. «Надо же, проскочили участок, где рельсы поют», – вздохнула Анна, пытаясь отогнать глупую мысль, что и песня, и простор закончились оттого, что она дала волю раздражению и выпала из ощущения безграничного, всепоглощающего счастья.

Шумные соседи высадились поздно вечером. Анна слышала сквозь сон, как они оживились, подъезжая к нужной станции, и даже приготовилась, что сейчас начнут топтать и быстро-быстро таскать тяжести – парни громко обсуждали стратегию высадки, соображая, как выгрузить своё добро за пять минут остановки. Топота она не дождалась, провалилась в сон. На этот раз ей приснился сын. Почему-то не нынешний девятилетний, а маленький, лет четырёх. Данька тянул к ней ручонки и просил: «Ладушки, мама, ладушки!».

«Как он там, без меня?» – подумала Анна, проснувшись. Кинула быстрый взгляд на полку Кирилла – парень спал, накрывшись с головой. Сергей тоже спал, вытянувшись на спине. Хрящеватый нос на худом лице заострился, как у покойника. «Вот ещё, мысли какие лезут с утра!» – отмахнулась Анна от мрачных ассоциаций, слезла со своей верхотуры, стараясь не наступить на спавшую внизу тётку, и пошла в туалет, как раз по пути и обнаружив, что соседи высадились, а на двух верхних полках спят Янка и Павлик. В отсеке возле туалета на нижних полках спало как-то слишком много народу, по двое: Арсений со смуглянкой, что льнула к нему на

перроне, и парень-«испанец» с блондинкой, что при посадке целовалась с Арсением взасос.

«Что-то я уже ничего не понимаю!» – мысленно пожала плечами Анна. Она спокойно принимала происходящее – взрослые люди, знают, что делают. Беспокоило другое. Она уже вроде бы разобралась, кто тут с кем: Арсений с блондинкой, его преданная девочка – с безответной любовью, «испанец» был нежен с той девушкой, что с бесстрастным лицом и роскошными волосами. По крайней мере, вчера они перплелись очень даже интимно, освобождая место Андрею, да и позднее, отправившись за кипятком, Анна видела этих двоих, прижавшихся друг к другу на нижней боковушке. А тут – такие рокировки, смена партнёров, полная перепутаница. Впрочем, бог с ними, сами разберутся.

«Интересно, а сколько сейчас времени, что все спят?». Анна по привычке взглянула на запястье – пусто. Сама ведь часы сняла и дома оставила – раз уж путешествие в безвременье, так пусть всё будет по-настоящему, без поблажек. Пока за временем по мобильнику подсматривает, но там, у озера, и эта лафа закончится – не ловят в тех местах телефоны, да и заряжать негде. «Рано ещё, наверное. Я соскочила, небось, чуть свет!». Она выглянула в окно, соображая, насколько утро раннее. Но северное «долгоиграющее» солнце спряталось в низкой облачности и время подсказывать не собиралось.

Вернувшись, Анна уселась у окна на свободной нижней

полке в бывшем купе катамаранщиков. На верхних полках спали «переселенцы»: Янка похрапывала, Павлик тихо сопел, отвернувшись к стене. Пейзаж за окном за ночь посуровел, вчерашней голубизны не было и в помине. Вместо озёр – слегка белёсые то ли леса, то ли рощицы, вместо неба – сероватые облака. «Может, распогодится? Конец июля, всё-таки!» – понадеялась Анна. Прогноз погоды в этой местности, выловленный накануне в Интернете, много не обещал: днём плюс тринадцать, ночью плюс семь. Но когда прогнозы полностью сбывались? Должна погода наладиться, середина же лета!

– Доброе утро, ты не знаешь, куда Павлик делся? – Андрей, заглянувший в отсек, выглядел растерянным. Сына потерял!

– Да вон он, здесь спит, – кивнула Анна на верхнюю полку в купе, Андрей разглядел длинный силуэт, вздохнул облегчённо и полез поправлять одеяло, свисавшее вниз длинным языком.

– Пап, ты чего? – Павлик повернулся к отцу и сонно таращил непроснувшиеся глаза.

– Ничего-ничего, спи. Я тебя потерял, – Андрей похлопал сына по плечу, растерянно оглянулся на Анну, явно смутился и ушёл. Спросить его про время она не успела.

– Эх, куда б податься, да кому б отдаться! – со второй полки высунулась рука и закачала над столиком стиснутым кулаком. Янка проснулась и объявила об этом всему вагону.

– Да вот, пожалуй, и некому уже. Мужички-то вышли, – сказала Анна.

– Кто здесь? – теперь с полки свесилась растрёпанная черноволосая голова. – А, ты. Привет.

– С добрым утром. Яна, ты не знаешь, сколько времени?

– Ща глянем. Полдевятого. Во, блин, рано-то как! Ещё три часа ехать. И ведь не усну теперь, раз проснулась!

– Слушай, а как мужички тихо вышли, я даже не слышала, – сказала Анна. – И успели ведь за пять минут всю кучу своего барахла вынести.

– Всё нормально, у них был научный подход к организации труда. Ребята конкретные, всё заранее продумали. Сначала в тамбуре свои мешки сложили, потом по-быстрому их на улицу покидали.

– Интересно, далеко ли уплывут с рюкзаком спирта, – улыбнулась Анна, вспомнив, как мужики сразу же после посадки «скушали» литровую бутылку водки, и как вчера один из соседей, самый молодой и так и не протрезвевший, пытался добыть спирт из рюкзака, а второй, обстоятельный бородач, видимо, старший в группе, отгонял его и требовал не трогать НЗ.

– Ой, они меня так насмешили! – Янка приподнялась на полке и принялась накручивать на палец тонкую прядку с виска. – Пошли вечером курить, а в купе Степаныч и Васька («Васька – это «испанец», что ли»? – подумала Анна) с девчонками опять спины друг другу правят. Мужики в непо-

нятках – весь день за этими делами наблюдают, что происходит – фиг его разберёт. Всё приставали ко мне, зачем и куда мы едем. В поход, говорю, за новыми впечатлениями. А этот, бородатый Лёха, типа, понял: ага, сексотерапия у вас такая! А я говорю: если бы!!!

Янка, по своему обыкновению, говорила зычно, совершенно не приглушая голос, будто не в спящем плацкартном ехала, а в переполненном вагоне метро.

– Привет, – вошёл в купе заспанный Арсений. – Вы чего расшумелись?

– Да я рассказываю, как мужики офигели от ваших вчерашних массажей. Как ни пойдём курить – у вас там полный ход, всё спины друг другу ладите. Этот, Антон, самый молодой у них, спрашивает: «У вас что, секта?». И вижу, у мужика прям сознание схлопывается, картину мира закоротило! Нет, говорю, не секта, клуб по интересам. «А этот мужик кто, который всех девок лапает?» А это, говорю, наш великий гуру! Погодите чуток, скоро сядет в позу лотоса и начнёт впадать в нирвану!

– И как тебе в роли гуру, нравится? – поддержала шутку Анна и засмеялась, глядя, как привычно невозмутимое лицо Арсения расплывается улыбкой чеширского кота.

– Между прочим, гуру себя считают жутко закомплексованные люди! – сказал он. Янка тут же подхватила:

– Да признайся уже, что, нравится, ну приятно ведь, по лицу вижу!

– Ой, что-то вы меня совсем смутили, – махнул на них рукой Арсений и сел на свободную полку.

– Что, ноги не держат? Комплексы навалились? – захохотала в голос Янка, и Анна подхватила: сдержаться, когда хохотала Янка, было просто невозможно. Ох, теперь-то точно проснулись все пассажиры!

– Знаешь, что мне Лёха сказал, бородатый, он за старшего у них? – продолжала Янка. – Бросай, говорит, своих уродов, сектантов недоделанных, поехали с нами, с настоящими мужиками. Сексотерапию тебе обеспечим по высшему классу. А я говорю – да что вы, мальчишки, если я разойдусь, мне ж вас четверых мало будет! Лучше и не начинать!

– Да уж, если из всех интересов – напиться на природе да потрахать, поди, объясни им, зачем мы туда едем, – покивала Анна.

И тут же получила от Янки щелчок по носу.

– Слушай, я их вчера полдня лечила, раздвигала границы восприятия, теперь с тобой, что ли, всё заново начинать? Нормальные мужики, умные, все врачи, один хирург, один невропатолог, два стоматолога. Просто у них своя вселенная, у нас своя. А в этом вагоне мы слегка пересеклись.

– Врачи, говоришь, – прервал Янкину лекцию Арсений. – Понятно теперь, откуда у них столько спирта. Слушай, так может быть, тебе надо было с ними пойти? Объяснила бы им про картину мира в подробностях.

– Точно! И на обратном пути они бы у меня ехали смир-

ные, как суслики! – опять заржала в полный голос Янка.

А Анна подумала, что не известно, какими сусликами будут возвращаться они. И сердце впервые за всё время, как она решилась идти в поход, вдруг сжалось от смутной тревоги.

Поезд встал на недолгую стоянку в местечке с забавным названием «Медвежья гора». Народ ходил по перрону в осенних куртках. У их столика стихийно собралась небольшая компания: Арсений, Вася-«испанец», Кирилл, девушка с бесстрастным лицом, Анна.

– Слушайте, что-то все как-то тепло одеты! – сказал Сергей. Он пришёл к столику с кружкой кипятка и со вчерашним пакетом с остатками провизии. – Сколько же там градусов, интересно?

– Градусов двенадцать, – пожал плечами Арсений. – Там что, у проводников уже кипятков есть?

– Есть. Давайте завтракать. Нужно доесть всё, чтобы с собой не тащить.

Анна взяла у него пакет и стала выгружать на стол то, что вчера сама второпях и складывала, освобождая место для массажа. Вытащила пустую упаковку из-под колбасной нарезки – вроде там вчера последний кусочек оставался. Выпал, что ли? Заглянула в пакет – так и есть, болтается на доньшке, среди обломков хлеба, двух яблочных огрызков и фантиков из-под конфет.

– Слушай, Серёж, тут последний кусочек колбасы остался,

выпал из упаковки. Выкинем? А то вид у него уже... того.

– Чего «того»? Нормальная колбаса, копчёная, ничего ей не сделается, давай сюда, – потребовал Сергей.

Анна выудила из-под фантиков и огрызков бордовое испещрённое жиринками колёсико сервелата, обдула его от налипших крошек и шмякнула поверх ломтика огурца на сером хлебе:

– На!

– Хорошая колбаса, – откусил Сергей. – Выкинуть! Тут неделю без мяса жить предстоит, а ты – выкинуть.

– Ой, смотри, Серёжа, прихватит тебя где-нибудь на перевале с эдакой еды! – сама Анна ела сыр.

– Ну, прихватит, сбегая под камешек, делов-то! – Сергей невозмутимо доел бутерброд и отхлебнул чаю.

– Имей в виду, ходить вдвоём придётся и разрешение спрашивать, – продолжала веселиться Анна, пользуясь тем, что Янка опять заснула на своей полке и перестала солировать. – Ты не слышал, а мы вчера договорились, что никто никуда не уходит в одиночестве и предварительно не сообщив коллективу, куда именно пошёл и с какой целью!

– Так что сначала всем доложишь, а потом отчитаешься, – серьёзно сказал «испанец» Вася.

– Да ладно пугать, – добродушно отмахнулся Сергей. – Это вам завидно, что последний кусок колбасы мне достался!

«А ведь классные ребята!» – думала Анна, заедая чай

остатками сыра и огурцом. Когда же она вот так веселилась в последний раз в компании, от души прикалываясь и зная, что никто не обидится, а начнёт шутить в ответ? Давно. Почти полгода назад. Когда ещё работала в журнале.

Глава 3

То, что у Кирилла есть шанс стать сенатором от области, откуда они оба уехали десять лет назад, он понял уже в декабре. А в январе муж попросил Анну уйти с работы. Уже потом, задним числом, прокручивая все предшествовавшие тому разговору события, Анна поняла, что он очень тонко готовил её к решению в свою пользу: новогодняя ночь у Красного моря, пальмы, цветы, тёплые волны вместо московской голой зябкости.

Египетский отель был новым, добротным и дорогим. Архитектор с очень хорошим вкусом вписал постройки в крутой и обрывистый берег. Здание основного корпуса, где размещался ресепшн, бутики, конференц-зал и ресторанчики, было серовато-перламутровым, в тон камням на берегу и мелкому галечнику на пляже. Отель тремя уровнями спускался к террасе с беседками, бассейнами и смотровыми площадками, соединяясь с ними эскалаторами. Ещё ниже, куда нужно было сходить по лесенкам, располагались входы в номера-бунгало.

Номера были вырыты в обрывистом берегу, их огромные раздвижные окна-двери выходили сразу на пляж, на море. При всей шикарности интерьера, Анне не очень понравился его холодный чёрно-белый дизайн. Ей хотелось красок, местного колорита, чего-нибудь в стиле арабских сказок, тыся-

чи и одной ночи, а не безликих прямоугольных хромированных светильников, строгих белых покрывал, черных углов изголовья кровати и прикроватных тумбочек и абстрактных чёрно-белых ломаных линий на стенном панно. Но в первое же утро, проснувшись от солнечных лучей, пробившихся сквозь чёрно-белую штору и выглянув в окно, она простила незнакомому дизайнеру его цветовую сдержанность. За окном было чудесно: солнце выкарабкивалось из морской пучины, трогая розовым и небо, и воду, и мелкие серые камешки пляжа, а чёрно-белые тона номера оттеняли и подчёркивали эту красоту, создавая ей неназойливую раму.

Она тогда принялась натягивать купальник, собираясь прямо так выбежать из номера и нырнуть в это утреннее розовое море. Но проснувшийся от её возни Кирилл сказал, что так – нельзя. Что сразу за пляжем – коралловый риф, и влезать в воду нужно со специального понтона: «Помнишь, мы вчера его видели вечером, синий такой мостик?»

Для того, чтобы нырнуть с пирса, пришлось одеться – декабрьское утро в Шарм-Эль-Шейхе оказалось стылым, что-то градусов пятнадцать-восемнадцать. И всё равно, топая до пирса по мелкому пляжному галечнику, а затем шагая по синему пластику понтона – он был собран из кубиков, напоминающих большие, литров на тридцать, пластмассовые канистры и зыбко качался на воде в такт её шагам – Анна сохранила ощущение счастливого восторга и предвкушения от встречи с розовым морем. Дошла до широкой квадрат-

ной площадки, скинула толстый махровый халат, прыгнула в воду и будто растворилась в волнах, тёплых, теплее, чем воздух. Потом вернулась в номер под бочок к сонному мужу, растормошила и, целуя, поделилась с ним счастьем этого утра, радостью от моря, солнца, от красоты дымчато-серого перламутра прибрежных камней и построек.

Хороший был отель, стильный, дорогой, с изысканным шведским столом, свежавыжатыми соками и потрясающим новогодним шоу. И когда они прожили там семь из девяти запланированных дней, когда Анна совсем забыла о своих редакционных хлопотах, когда размякла от ежеутренних купаний в розовом море, от ежедневных медитаций на потрясающе красивых рыбок – она могла часами рассматривать их, свесившись с пирса и приблизив лицо к самой воде, – когда покрылась ровным загаром и ошалела от бурного, как в медовый месяц, секса с собственным мужем, Кирилл сказал:

– Анютка, ты должна мне помочь стать политиком.

– Ты хочешь, чтобы мы сделали с тобой большое интервью в «Зоне влияния»?

Анна лежала на плече у мужа и расслабленно рисовала пальцем зигзаги у него на животе, спускаясь всё ниже и ниже.

– Нет, – Кирилл перехватил её руку, сжал в кулаке и прижал к груди. – Я хочу, чтобы ты ушла из журнала и возглавила мой предвыборный штаб.

– Что? – Анна высвободила руку, села на кровати и в

изумлении уставилась на мужа. – Какой штаб?

– Ань, я хочу стать представителем Совета Федерации от нашей области. И если всё грамотно пропиарить, я им действительно стану. А лучшей пиарщицы, чем ты, мне не найти.

– Подожди Кирилл, – потрясла головой Анна – какой Совет Федерации? Стройкову ещё полтора года на троне сидеть!

– Нет. У него рак обнаружили. Не смертельный, – Кирилл сделал успокаивающий жест сочувственно охнувшей жене, – вполне операбельный, но политикой ему теперь заниматься нельзя. Помнишь, я в декабре к нему ездил? Он сказал, что планирует объявить перевыборы не позднее чем в июне-июле. Я хочу в них участвовать. По-моему, у меня есть шанс.

– Да, наверное, есть, – поглядела на мужа Анна, быстро перебирая в голове его активы.

Местный, в смысле, уроженец этой области, молодой, всего сорок два года, популярный – засветился в нескольких сюжетах на центральных каналах, где рассказывал о делах в регионе, и в которых губернатор демонстрировал своё к нему расположение. Да и фильм, опять же, снял документальный про монастырь с чудотворной иконой, который крутили на канале «Культура». Правда, время для показа выбрали не самое лучшее – три часа дня, все на работе. Но вскоре этот фильм повторило местное телевидение, которое потом с восторгом взяло интервью у его создателя, то есть у Кирилла. И

как-то так из этого интервью получилось, что он, не смотря на то, что уже десять лет как москвич, связь с родной землёй не потерял, о Боге помнит и за свою малую родину радеет. Фильм прошёл как раз в декабре, мама звонила, рассказывала, что теперь кое-кто из соседей с ней особенно уважительное здоровается. А Эмма Казимировна из пятнадцатой квартиры, напротив, губы поджимает и отворачивается. Анна тогда ещё смеялась и говорила, что соседка не может простить, что мама её, примадонну местного драмтеатра и долгое время основную знаменитость их дома, по части известности перещеголяла.

Шутки шутками, но если соседи даже на маму перенесли свою признательность за Кирюхин фильм, то у него сейчас в городе авторитет о-го-го какой. И прав он, – грех таким раскладом не воспользоваться!

– Кирюш, а тебе позволят стать сенатором? – осторожно спросила Анна.

– А кто мне может не позволить? – поднял бровь муж.

– Ну, мало ли... Сам ведь знаешь, просто так такие кресла не достаются. Деньги нужны, связи, поддержка.

– Ань, не гони волну, а? Как Стройков попал в Совет Федерации, помнишь? Сделал и варяга московского, и Трунина, депутата тамошнего. На народной любви вылез и на том, что первых два барбоса его всерьёз не принимали, друг за другом следили и друг друга дерьмом мазали. Ну и домазались, что люди пошли и выбрали председателя совхоза.

– Сейчас нет совхозов, – зачем-то поправила Анна.

– Ой, да брось ты придирааться к словам! Не совхоза, так колхоза, или как там его артель битвы за урожай называлась. Ты ведь делала интервью с ним в своём журнале, знаешь, что он всю сознательную жизнь совхозами-колхозами руководил. А тут на сенаторство замахнулся. Наверное, просто попробовать хотел, а тут вдруг – получилось! Знаешь, мне почему-то думается, что он оттого и раком заболел, что не по зубам кусок урвал, подавился. Одно дело коровам хвосты считать и дояркам удои повышать, другое – область держать и с этими волками-федералами по-волчьи выть. Не за своё дело взялся старик.

– А ты? Ты за своё берёшься?

– Я? Да!

Муж взглянул ей в лицо, и Анна в глубине зрачков увидела отблеск стали:

– Зря я, что ли, столько лет парламентским журналистом ишачу, вась-васи с нашими сенаторами и депутатами развожу, статейки им имиджевые стряпаю, книжки писать помогаю и разные приятности организовываю? Я всю их кухню гнилую знаю, все ходы-выходы, так что ни инфаркта, ни онкологии не будет. Я вижу себя, понимаешь? Вижу в этом кресле.

– А деньги, Кирюш? Откуда деньги на предвыборную компанию?

– Будут деньги. Дадут.

– Кто?

– Кое-кто, кому интересно будет бизнес в области заму-
тить. Сделают свои первые, так сказать, инвестиции. Ну что,
мать, я тебя убедил?

– В том, что ты можешь стать сенатором? Да, вполне.

– А в том, что ты должна будешь возглавить мой предвы-
борный штаб?

– Ну, давай, возглавлю... Только журнал мне зачем бро-
сать? Давай параллельно! Через полгода выборы, штаб за-
кроется, куда я вернусь? Думаешь, Витька будет для меня
должность полгода сохранять?

– Ань, ты что! – захохотал Кирилл. – Когда я хорошо сяду
в Москве, я тебе новый журнал куплю! Твой собственный!
Будешь на себя работать, а не на этого павлина, у которого
из всех талантов – связи в «Газпроме» и допуск к денежному
соску! Давай, возвращаемся в Москву и сразу начнём распи-
сывать, что сделать надо.

– Главное что надо, это сохранять к тебе интерес в го-
роде, – задумчиво сказала Анна и спохватилась. – Слушай,
только сразу я не смогу, мне февральский номер выпускать.

– Ань, какой номер? Мы же договорились – ты уходишь
из журнала.

– Но я ведь не могу так сразу... И по закону мне две неде-
ли нужно отрабатывать.

– Не нужно, Витька сказал, что подпишет тебе заявление
сразу же, – Кирилл закинул руки за голову и потянулся.

– Что сказал Витька? – Она отстранилась, заглядывая ему в лицо. – Кир, ты что, сообщил ему уже, что я уйду? Ты уже всё решил за меня?

– Анютка, ну а что такого? – он смотрел на неё с безмятежной уверенностью. – Ты что, отказалась бы помочь мне сделать карьеру? Разве ты отказалась бы стать женой сенатора, а? Ань, это ведь теперь дело нашей жизни, наша главная политическая интрига. И нам все наши силы, все наши умения нужно только на этом сконцентрировать, а не на чужих играх в политику. Разве не так?

– Так, наверное, – подумав, кивнула Анна.

Всё было так и, как всегда, разумно. Однако расставаться с журналом было безумно жаль. Она этот журнал, можно сказать, родила и выкормила, создав за три года издание, о котором говорили, с оценкам которого считались, и попасть куда даже в виде небольшой информации почитали за честь. И Витька не такой уж и павлин, а вполне нормальный издатель. В финансово-хозяйственных делах сечёт – дай Бог каждому. И сосок денежный им уже почти год как не нужен – реклама в журнал идёт таким косяком, что окупает весь тираж с запасом. И почему-то нет в ней ни волнения, ни азарта от мысли, что она может стать сенаторшей. А есть досада, что муж распорядился её жизнью по-своему, одним махом распределив их роли. Впрочем, он ведь её муж.

– Анютка, ты ведь со мной, правда? – Кирилл будто что-то почувствовал, сгрёб жену и заглянул в серьёзные глаза. –

Ты ведь понимаешь, что никого другого я на это место взять не могу? Да и нет никого другого, ты – лучшая. И вместе мы – команда. Разве не так?

– Так, – согласилась, наконец, Анна, и стала отвечать на его поцелуи и двигаться с ним в такт и плавиться в его руках, окончательно согласившись, что в их жизни наступает новая полоса.

А утром она не увидела солнца. Небо вдруг закрылось низкими облаками, задул противный холодный ветер. Оставшиеся два дня до отъезда они проходили в свитерах, и искупаться в розовом море у неё больше не было никакой возможности.

«Эти тучки пониже будут тех, египетских. Да и ветерок явно посвежее». Анна поёжилась и застегнула молнию повыше. Да уж, северное лето: градусов пятнадцать всего, и ветер какой-то холодный. Главное, когда на станции в Городке выходили, вроде солнышко показывалось. И потом весь час, пока ехали до Посёлка, хмари такой не было. А тут, у перевала, у начала их пути – низкое серое небо и совсем не летний ветер.

– Давай, командир, строй их в колонну по одному, ворота открывать буду! – показал в улыбке остатки зубов старик-сторож. Путь к Синь-озеру начинался у заброшенного рудника.

– Ну, все готовы? – Арсений окинул взглядом их группу

из пятнадцати человек. – Тогда пошли!

«Надо же, а ведь и не очень тяжело идти!» – думала Анна четверть часа спустя, топая в первых рядах разреженной кучки, в которую превратилась их группа. Пока подъём был не очень заметен, хотя впереди маячила гора с усыпанным валунами склоном. По бокам тоже вздымались горы – черные, строгие, холодные. Анна шла, радуясь, каким удобным оказался рюкзак (вес почти не чувствуется!) и наслаждаясь торжественной тишиной окружающего пространства. Оказывается, она утомилась от шума, который Янка регулярно устраивала эти полтора суток. Даже час переезда из Городка девчонка умудрилась превратить в дискотеку. Водитель поймал какую-то попсовую станцию, и она в голос подпевала бредовым песенкам, подпрыгиваясь и подпрыгивая на заднем сидении, куда сгрудилась половина их народа. Анна заметила, что Кирилл тоже в этой груде, отметила, что заметила и шикнула на себя мысленно – хватит уже на парня реагировать! Что ж это такое, как будто в свои восемнадцать вернулась, когда Анята, мышка-дурнушка, тайком влюблялась в мальчиков, ловила на себе их равнодушно-транзитные взгляды и сладко страдала от неразделённых чувств. А Янка, похоже, никогда ни от чего не страдала, ни от чувств, ни от комплексов. Курносая щекастая толстушка, она живым мячиком подпрыгивал на сидении и самозабвенно горланила, подпевая очередной попсовой пошлятине про то, что перевелись и Казановы и ловеласы, и что вокруг одни папуа-

сы. Потом, сообразив, что «папуасы», скорее всего, рифма, одобренная цензурой, Янка подобрала более подходящую по смыслу нецензурную рифму и горланила уже её.

А теперь толи строгое величие места, толи понимание, что нужно беречь силы утомили девушку. Да и шла она где-то позади Анны, отстала.

Через первый ручей пришлось перебираться по узким брускам, и Анна запаниковала – упаду! Вмешался Арсений, скомандовал: «В ноги уйди!», и она поняв, о чём он, сосредоточилась на ощущении ступней. Словно вниз стекла-осела, забыла про страх и прошла по узкой поверхности. Вслед за остальными поднялась по тропинке в горку. И остановилась возле россыпи крупных валунов: дальше нужно было карабкаться по ним.

Арсений придержал группу, дожидаясь отставших:

– Народ, я хочу, чтобы вы вспомнили про плотности и пустоты. Почувствуйте камни, как плотности, обтекайте их. Если вы будете идти вот так, – он забрался на валун, перешёл на второй, постоял, потом таким же образом перебрался на следующий, – то вы очень быстро устанете. По камням нужно течь, двигаться в потоке. Вот так! – И он стал быстро шагать с камня на камень, не теряя движения, перенося равновесие с ноги на ногу. – Понятно? Вась, ты не против побыть замыкающим?

«Испанец», который повязал на голову чёрную бандану и тем самым добавил штрихов к образу, кивнул.

– Тогда пошли!

«Течь надо! И как это сделать, интересно мне знать?» – пыхтела Анна, стоя на одном валуне и примеряясь к другому. Равновесие то и дело терялось, рюкзак перестал быть продолжением спины и жил собственной жизнью. А ещё вдруг поднялся страх подвернуть ногу и стать обузой для группы. Вот позорище будет!

– Тебе помочь? – спросил Вася-«испанец». Анна подняла взгляд от камней и поняла, что они остались вдвоём, все остальные уже вскарабкались и скрылись за верхушкой каменной гряды. Она обрадовалась: «Ага, там они, камни эти, и кончаются!» – помотала головой, сама, мол, и решительно полезла вверх. Чтобы её, да какие-то там камни одолели! Да фиг вам! Пусть из последних сил, но докарабкается она до нормальной земли, совсем чуть-чуть осталось!

Почти задыхаясь, женщина влезла на последний валун... и поняла, что сейчас рухнет на землю и останется тут на всю неделю. Будут возвращаться – подберут.

За каменной грядой скрывалась неширокая гладкая полоска, а выше простирался бескрайний пологий склон, составленный из валунов-валунов-валунов. Группа, цветные человечки с горбиками рюкзачков, пробиралась между камнями уже на середине склона. А она – всё, сдохла. Свистела бронхами в попытке добавить кислорода в лёгкие, обмирала от мысли, сколько же ещё предстоит карабкаться, и ругала себя последними словами. «Туристка, блин, путешественни-

ца! С какого бодуна решила, что тебе тут самое место? Вернулась бы к маме и к Даньке в деревню, гуляла бы по лесу, грибочки-ягодки собирала».

Увидев, что к ним, легко прыгая по валунам, возвращается Кирилл, балансируя зажатой в руке длинной палкой, Анна расстроилась ещё сильнее. Вон, скачет легко, как горный козёл, а она стоит тут, кляча-клячей, позорится!

– Подыши через ноги, – негромко сказал «испанец» Вася.

– Что? – прохрипела Анна.

– Представь, что у тебя из ступней корни выросли, потяни воздух этими корнями!

Анна закрыла глаза и «укоренилась», чувствуя, как по стопам побежали мурашки. Свист в груди прекратился, ноги стали тяжёлыми, дыхание выровнялось.

– Ну, ты как? – Кирилл стоял уже на соседнем валуне и смотрел на неё и снисходительно, и с беспокойством.

– Уже нормально, восстановилась, – резко выдохнула Анна. Боль в груди прошла, дыхание вернулось, приступ паники закончился.

– Иди за мной след в след, в моём ритме, – сказал Кирилл и опять зашагал с камня на камень. Анна послушно пошла за ним, подстроилась к его шагам, перестала бояться, что какой-нибудь валун пошатнётся или окажется скользким – раз Кирилл не скользит и не шатается, значит, всё в порядке!

И тут вдруг валуны перестали сопротивляться её движениям и замелькали, как шпалы.

Они в детстве с девчонками так играли – бегали на железнодорожные пути и скакали по шпалам, замороженные ритмом этих прыжков. Иногда они попадались на глаза дежурным, те ругались и прогоняли детей: «Что за игры на объекте повышенной опасности? Вы что, под поезд попасть хотите?», но никакие страшилки не могли перебить эту радость: скакать по шпалам, попадая в ритм.

Анна шагнула на очередной камень, тот вдруг пошатнулся, и она испуганно замерла на нём, миг выпала из ритма. Куда идти теперь?

– Держись – Кирилл протянул ей палку. – Я тебя вытяну.

– Не надо, я сама, – помотала головой Анна. Тоже мне, репку нашёл! Опять сосредоточилась на ступнях, нашла камень и пошла. Как только она перестала бояться, ритм сразу вернулся, и Анна даже подосадовала, когда оказалось, что уже – вершина. Дошла.

Между нескольких валунов в полтора её роста высотой развалился заморенный переходом народ. Семейство с малолетней дочкой («Надо же, эта кроха и то ходит лучше меня!») потрошило мамин рюкзак. Привал.

– Слушай, ты со своей палкой по камням бежал, будто по ровной местности. Как оленевод по тундре! – сказала она Кириллу, скидывая рюкзак и приваливаясь к ближайшему валуну.

– Опыт у меня большой, – он улыбнулся своей неопределённой ускользящей улыбкой. Потом сел чуть напротив и

наискосок и поглядывал на неё из-под полей надвинутой на глаза панамы.

Анна вытянула ноги в ботинках и прислушалась к ощущениям. Уже гудят.

– Ну, и как ножки? – спросил Кирилл.

– Голеностоп слегка потянула!

– Надо бинтом эластичным перетянуть.

– А так ничего, ни мозолей, ни натоптышей, – пошевелила ногами Анна.

– Вечером перед сном надо будет поправить ножки, – то ли посоветовал, то ли пообещал Кирилл, и Анна, не зная, как на это реагировать, поспешно уставилась на собственные ботинки. Кто бы мог подумать, что её давнишние, подростковые ещё ботиночки будут так замечательно себя вести! А вообще, конечно, зря она себе рисовала параллели с тем давним походом, когда в пятнадцать лет пошла в горы. Здесь всё по-другому.

Мама тогда отправила её погостить к тётке в Среднюю Азию, а на город свалилась жуткая, небывалая даже для тех мест жара, днём до сорока пяти градусов в тени, ночью – до тридцати. И тётка купила девчонкам, Анечке и своей дочке Тонечке, путёвки на местную турбазу. Там, в предгорьях Тянь-Шаня, было попрохладнее, ночью даже шерстяные кофточки приходилось надевать. Предполагалось, что девчонки просто две недели пересидят жару – на турбазе можно было пожить как в доме отдыха, спать в коттеджах,

есть в столовой, бегать на танцы и в кино. Но сестра, шестнадцатилетняя Тонька, влюбилась в мальчика. А мальчик собрался идти в девятидневный поход. И Тонька собралась вместе с ним. И Анечка тогда собралась тоже.

О том, что сглупила, Анечка подумала уже через полчаса после того, как они ушли с турбазы и прошли по склону первую пару километров – рюкзак, набитый крупой и консервами, отягощённый толстенным спальником весил целую тонну. Брезентовые ремни впивались в плечи, их приходилось придерживать руками. Дыхание сбивалось, пот заливал глаза. Однако ещё через полчаса кошмар закончился, они встали лагерем на ночь, развели костёр, расстелили брезентовые палатки – инструктор решил не возиться с установкой, всё равно завтра рано утром вставать. И Анечка, сначала пробуя пахнущую дымком гречку с тушёнкой, потом слушая песни под гитару, затем разглядывая крупные звёзды в ночном небе, решила, что пошла она не зря. Вон как посматривает на неё тот парень, помощник инструктора. Сколько ему, лет семнадцать? Кажется, она ему понравилась. Кажется, она в него влюбилась.

На следующий день кошмар продолжился – подъём, жара, жажда, боль от брезентовых лямок в натёртых плечах. Шли целый день. Инструктор каждый час устраивал передышки, когда они стояли на тропе, согнувшись и не сбрасывая со спин тяжелых рюкзаков. Всё время хотелось пить, но ручки в этих горах были редкостью, и они экономно глотали из

фляжек тёплую воду. Где-то на полдороги вышли к горной речушке, сделали привал, и все ринулись пить с пологих берегов, даже не скинув рюкзаков. И тот мальчик, что нравился сестре Тоньке, чуть не захлебнулся. Лёг пузом на землю, начал хлебать ледяную воду из речки, а рюкзак, килограммов двадцать, возьми и сползи ему на затылок. Попробуй, подними! Мальчик начал пускать носом пузыри, хорошо помощник инструктора (как же его звали?) заметил, вытащил парня из воды.

Анна запомнила тот привал ещё и по ощущению потрясающей лёгкости – тело, придавленное тяжестью рюкзака и вдруг разом освобождённое от этой тяжести, стало лёгким до чрезвычайности, и она с каждым шагом будто взлетала над поверхностью. Не высоко, сантиметров на пять, но – взлетала. А потом, когда напорхалась и напилась из ручья, она увидела горы. Всю дорогу не видела – шла, страдала, терпела жажду и ловила воздух. А тут – увидела, и они были великолепны.

Следующие четыре часа они шли под гору, было полегче. Затем разбили лагерь, на этот раз поставив брезентовые палатки-домики. И помощник инструктора позвал её с собой, поискать дрова. И подавал ей руку, когда они перебирались через ручей, и у костра сидел рядом весь вечер. Анечка потом долго не спала, томилась, представляя под сопение соседок по палатке, как далеко зайдут их отношения с помощником инструктора. (Как же его звали-то? Дима, что ли? Ка-

жется, Дима. Или Толик?) Может быть, завтра он её даже поцелует...

Назавтра инструктор сказал, что почти все дни их перехода будут такими, как вчерашний. И что у них есть последняя возможность подумать и оценить свои силы. И если кто чувствует, что не дойдёт, есть возможность вернуться. «Вернуться? Нет! Я же с Димой! (Или с Толиком?)» – отмахнулась от инструктора Анечка. А Тонька решила вернуться. И мальчик её тоже. И обратно на турбазу их повёл помощник инструктора, Дима или Толик. Анечке почему-то показалось, что он по-быстрому отведёт этих хлюпиков, и – обратно, к ней. И у них всё будет так, как она намечтала себе ночью в палатке.

Весь этот и весь следующий день она прошагала в ожидании, что парень вот-вот вернётся. Не вернулся, разумеется, кто же будет бегать туда-обратно по горам за сорок километров? И весь поход прошёл у Анечки на фоне этой грусти, что опять не сбылось. Опять она влюбилась, а в неё – нет. Когда вернулась на турбазу, Анечку встречала довольная сестра. Она со своим мальчиком сходила в несложный поход, на три дня. И у них всё складывается замечательно, они даже целовались. А помощник инструктора тоже с ними ходил, он влюбился вон в ту девчонку, её Лолита зовут.

Анечка тогда кивала, разглядывая худощавую модно стриженую девушку с экзотическим именем, и прощалась с надеждой, что хотя бы здесь, на турбазе, за оставшиеся три

дня продолжится её не сложившаяся романтическая история.

Так её первая любовь в тот раз и не случилась. Зато похудела она в том походе очень сильно, разом покинув ряды пышек. И ботиночки, которые купила для похода в турбазовском магазинчике, послужили исправно. Они так и провалялись у мамы на антресолях, потом она их увезла в Москву – пригодятся в лес ходить. И теперь, вот, пригодились, не подвели.

– Народ, кто знает, как правильно ногу заматывать? – заголосила Янка, размахивая лентой эластичного бинта, и Анна поморщилась. Ну откуда у этой девицы столько сил? Нормальные люди, вон, чуть ли не пластом лежат, привалились к камням, некоторые – рюкзаков не снимая. А эта опять бежит и орёт.

К Янке подошёл Арсений, она затихла. Анна откинулась на валун и посмотрела в небо. Облака расплзались серыми клочьями, кое-где в прорехах показалась синь.

– Ой, кажется, погода налаживается. Вот бы солнышко вышло! – озвучила её мысли томная блондинка. – Сенечка, а давай spoём солнцу, чтобы вышло!

– Нет, петь мы ничего не будем, – отвлёкся Арсений от Янкиной лодыжки, которую обматывал эластичным бинтом. – И вообще не советую возле озера на погоду шаманить. Места такие, что неизвестно, как в ответ закрутит.

– А какие такие места? – заинтересовалась Анна. Все эти

намёки, что они идут в непростое место её уже начали интриговать.

– Место силы, – пожал плечами Арсений. – Гиперборея там, есть такая версия, земля древних славян.

– Ох, и поколбасимся, братья-славяне! – радостно завопила Янка.

– Так не туго? – перебил её восторги Арсений.

«Место силы, – это хорошо, – думала Анна, опять глядя в небо и лениво наблюдая за парившим на высоте чёрным птичьим силуэтом. – Силы мне сейчас нужны. Чтобы с жизнью своей разобраться, чтобы выкинуть эти ужасные полгода из головы и решить, наконец, что мне делать дальше. Так что давай, Гиперборея-матушка, помогай. На тебя вся надежда».

– Кра! – крикнула птица, перестала кружить над их маленьким табором и полетела в сторону озера. Анна поёжилась от внезапно пробежавших по спине мурашек и тихонько засмеялась. Ну вот, ещё не дошли, а ей уже мерещится. И с чего в голову-то взбрело, что птица ей в ответ прокричала?

Глава 4

Кирилл с Сергеем ставили палатку, стыкуя дюралевые трубки и жёлто-зелёные полотнища стенок. Анна наблюдала за процессом, убеждая себя, что ничего особенного не происходит. Ну, предстоит ей ночевать в одной палатке с двумя чужими мужиками, ну и что такого? В конце-концов, каждый спит по отдельности в своём спальнике и никто из них, кажется, не храпит. И всё-таки ситуация несколько выбивала её из равновесия. Про то, что может так сложиться, она не подумала. Почему-то представлялось, что мальчики поселятся с мальчиками, девочки – с девочками. А к тому, что народ ловко и вперемешку распределится по другим палаткам, и ей в соседи достанутся только мужчины (и один из них – Кирилл, чей взгляд она нет-нет, да и ловит на своём лице, и тут же вспоминает свои фантазии об измене мужу, и от этого ей становится неловко, будто парень считывает эти её фантазии) Анна готова не была.

– Слушай, а сколько в вашей палатке человек?

На этот раз Янка не кричала. Спрашивала вполне нормальным человеческим голосом и смотрела так, будто боялась, что Анна её прогонит.

– Трое. Я и ребята.

– А можно я с вами поселюсь? А то в других палатках уже всё занято.

– Селись, конечно, – разрешила Анна, отгоняя возникшее вдруг желание сказать, что и у них места нет. В конце-концов, палатка из тех, что Арсений взял в расчёте, чтобы всем места хватило, так что у Янки ровно столько же прав жить в ней, что и у Анны. Но что же такое с девчонкой? Откуда робость? Все палатки, что ли обошла, никуда не пустили?

– Да и мне лучше, что не одна я буду с мужиками ночевать.

– С мужиками будет всё отлично, это я тебе гарантирую! – завопила Янка и подтащила свой рюкзак поближе к их месту. Анна вздохнула, уже сожалея о своей мягкотелости, и пошла смотреть на озеро.

К озеру пришлось спускаться вниз по крутому склону. Лагерь скрылся за ёлками, а озеро заплескалось у обрывистого берега и скользких камней, ведущих к воде. Анна пошла по тропке параллельно берегу и вскоре вышла к песчаному пляжику. Спрыгнула на него с обрывчика, повернулась к озеру и залюбовалась перламутрово-серой водой.

Озеро длинным языком тянулось вдаль. Правый и левый берега были видны хорошо – по низу густая зелень тёмного леса, по верху изгибы высоких тёмных холмов – а вот противоположного края озера отсюда было не видно. И оттого Анне показалось, что перед ней не озеро, а бухта. И что стоит проплыть мимо этих берегов, и откроется бескрайняя ширь какого-нибудь моря. Судя по серебру воды и строгости береговых линий – моря холодного и сурового, лишь на время смягчённого лучами наконец-то прорвавшегося сквозь об-

лачность солнышка.

– Динка, подожди, давай я тебе косичку заколю, чтобы не намокла!

Иллюзия холодной бухты сурового моря исчезла. Анна оглянулась. На пляжик спустилась Дина с мамой Риммой и девушка, похожая на женщину племени майя. Девчушка уже скинула с себя все одёжки и нетерпеливо переминалась на песке, пока мать закрепляла на затылке её толстенную косичку.

– Вы что, купаться будете? – помахала им рукой Анна.

– Ага, – кивнула Римма и тоже принялась стягивать с себя футболку и штаны. Анна поёжилась. Хоть и выглянуло солнышко, а всё равно температура градусов шестнадцать, не больше.

Тем временем вся троица освободилась от одежды и нагими нимфами замерла у кромки озера, трогая ногами воду.

– Нормальная, – сказала Римма. – Куда бы полотенца пристроить, чтобы не испачкать и потом сразу найти?

– Давай подержу! – протянула руки Анна, принимая большие махровые полотенца. Тяжёлые. Это ж надо такой вес почём зря за спиной таскать! И как потом такие полотенца высушивать? Всё-таки не зря она вместо махрушки вафельную тряпочку взяла. И завернуться в неё можно, и сохнуть будет быстрее.

– Ой, а моё полотенце вам не трудно будет подержать? – попросила «женщина майя».

– Давай, – согласилась Анна, приняв и её полотенчко, такое маленькое, что только лицо вытирать и хватит.

Освободившись от последних тряпок, нагие нимфы взяли за руки и с визгом кинулись в воду. Пробежали метров десять и, устав ждать, когда доставшая всего по пояс вода поднимется высоко, плюхнулись в озеро, поднимая тучи брызг. Девчушка в этой ситуации чувствовала себя лучше всех – нырнула в воду с головой и тут же вынырнула с восторженными воплями. Под них нимфы и вернулись бодрой пробежкой обратно на берег.

– Динка, ну что же ты голову намочила! Зачем я тебе, спрашивается, косу закалывала! – сокрушенно говорила Римма, вытирая дочке волосы одним из своих роскошных махровых полотенец.

– Высохнет, мам, – счастливо жмурилась девчонка, закутавшись во второе полотенце.

– Сейчас оденешься и беги к костру, а то до утра не высохнут!

– А вы почему не купаетесь? – спросила у Анны «майя». Она наскоро промокала длинное бронзово-загорелое тело своей маленькой тряпочкой.

– Да холодновато, по-моему, – неуверенно предположила Анна. Судя по абсолютно счастливой троице, которая балдела, будто находилась не у северного озера, а где-нибудь на крымском пляже, температура для купания была самая подходящая.

– Нет, что вы, очень хорошая вода!

Теперь «майя» абсолютно сырой тряпочкой пыталась подсушить намокшие волосы. Её чопорное «вы» царапало Анну своей неуместностью.

– Слушай, мы ведь договорились, что все в группе на «ты». Давай на «ты», а? – попросила она.

– Да как-то не очень удобно незнакомому человеку «ты» говорить, – задумалась девушка.

– Наташка, ну ты даешь! – захохотала мама Римма. – Стоит на берегу голышом и политес разводит! Раздеваться ей удобно, а «тыкать» – нет!

– Я Анна, так что я уже знакомый человек! – тоже засмеялась Анна. – Пойду, попробую вашу воду! Если тёплая, так и быть, окунусь!

Она подошла поближе к воде, скинула ботинки, носки и вошла в озеро. И тут же выскочила обратно. Вода показалась ледяной.

– Слушайте, да вы моржихи какие-то! Холодная вода!

– Ну что ты, если сразу прыгнуть – очень хорошо! Плохо, что отмель у берега, – улыбнулась Римма. Она уже почти оделась. Её дочка тоже натянула футболку и расправляла по спине влажные пряди волос.

– Вы уже оделись? Подождите меня! – спохватилась и «майя» Наташа, поспешно натягивая трусики.

Бывшие нимфы уже уходили по тропе к лагерю, когда со стороны скользких камней послышался визг и плеск. Оттуда

ныряли в озеро. Анна выглянула из-за близких к воде деревьев. Видимо, в том месте было поглубже, и Арсений плыл от берега мощными гребками. Отплыв, он встал – плечи и голова над водой – и с хохотом принял двух гребущих в его сторону женщин. Одна из них была блондинка, вторая – темноволосая, обе они, белея плечами, спинами и грудями, с визгом повисли у него на руках.

«Да, похоже, он не шутил, когда говорил, что купальники в походе не понадобятся. Я-то думала, от того, что вода холодная. А оказывается от того, что народ предпочитает нырять в натуральном виде. Это я что, к нудистам, что ли угодила? И как это меня угораздило?» Анна присела на камень и опять посмотрела на озеро. Теперь солнце светило как-то так, что вода в нём поменяла цвет и стала абсолютно голубой. От озера веяло таким покоем и величием, что Анна отмахнулась от всех своих мыслей. К нудистам, так к нудистам. Подумаешь. Они ребята смирные, силой никого не раздевают. Главное, вот оно, озеро. И она за весь день ни разу не вспомнила о Кирилле.

– Слушай, по-моему, всё это хрень абсолютная!

Кирилл с раздражением оттолкнул от себя исписанные листки и потянулся в кресле.

– Целый день сидим, идиотничаем!

– Ну почему идиотничаем, – обиделся Вовка Умницкий. – По-моему, создать передачу на областном телевидении ти-

па «Фитиля» и рассказывать про всякие бяки антинародные – очень хорошая идея. Ты ведь знаешь, как наши тётушки-бабульки любят журналистам на несправедливость пожаловаться. А тут ты, на коне и весь в белом, клеймишь, срамишь, защищаешь сирых и убогих. Представляешь, какие у тебя будут рейтинги?

– Представляю. Только, чтобы передача сыграла, она должна быть еженедельной. И материалы такие, чтобы каждый – навывлет. Чтобы потом весь город гудел. Как ты думаешь, мы сможем в течение... – Кирилл сделал паузу, подсчитывая и поигрывая авторучкой, – двадцати недель выдавать суперсюжеты на местном материале?

– Ну сможем, наверное, если захотим, – убавил запала в голосе Умницкий. – Если собрать толковую съёмочную бригаду...

– Вот именно, – поднял Кирилл авторучку. – Собрать толковую съёмочную бригаду и заплатить ей толковые съёмочные бабки. Местные архаровцы путного ничего не снимут, сам знаешь, какие они тут шедевры выдают, ни картинки, ни текстов вменяемых. Это надо ребят из Москвы приглашать, прикинь, в какую копеечку это нам влетит. Да и Кривцов просто так областной эфир не даёт, денег требует.

– Ну, мы можем пустить твою программу на моём канале, – опять воодушевился Умницкий. – Опять же у меня корреспондентка есть, Олеся Лужина. Девка – огонь, везде пролезет, всё узнает. Можно её привлечь. Ну, ты, наверное, ви-

дел, она передачу делает «Под прицелом».

– Твой канал только в городе целится, всю область не покрывает. А мне весь электорат нужен, полностью, понимаешь?

– Понимаю, – поник Умницкий и замолчал.

Анна, не особо прислушиваясь к спорам мужчин, опять перебирала в уме варианты. Шефство над детским домом и организация концерта со сбором средств в пользу сирот... Хорошо, но хлопотно – местные артисты большого резонанса не дадут, а если московских приглашать, именитых, то те денег потребуют. Открыть столовую для малоимущих... Можно, конечно, но опять не то. Опять куча хлопот, денег и согласований, а на выходе – облопавшиеся на дармовщину бомжи, которым всякие выборы до лампочки. Устроить какой-нибудь городской фестиваль? Это уже лучше, народ любит праздники, рекламодателей можно подтянуть, Умницкий берётся задействовать свои связи. Но тут может случиться палка о двух концах. Если не оплатить статьи, местные СМИ, прикормленные Гришаковым, вторым кандидатом в сенаторы, могут не особо расписывать роль Кирилла Землянова в организации этого праздника. А могут и вовсе завернуть что-то вроде «пира во время чумы». Лично она на месте Гришакова такую возможность пощипать противника в своём журнале не упустила бы. Тем более, что «чумы» в области было предостаточно – и ветхие аварийные дома с фекальными разливами на первых этажах, и многочасо-

вые очереди в поликлиниках, не укомплектованных ни врачами, ни оборудованием, и абсолютно раздолбанные, до ям и провалов, дороги, и парочка кинувших граждан строительных компаний, пообещавших построить квартиры, собравших денег и уже третий год не продвинувшихся далее вырытых на пустырях котлованов.

А то, что Кирилла воспринимают противником, становилось всё очевиднее. На областное телевидение на интервью не зовут. Передачу, которую он собирался с ними делать (не «Фитиль», а другую, обзорно-аналитическую) Кривцов, председатель телерадиокомпании и приятель Гришакова, завернул. Вернее, денег потребовал за производство и эфир. Мол, в бюджете канала эти расходы не предусмотрены, сам деньги ищи. Непонятно, как и где просочилась информация. Может, Кирилл не удержался, трепанул кому, может быть, проболтался кто-нибудь из несостоявшихся инвесторов, которые чего-то испугались: из трёх желающих денег на предвыборную компанию дал только один, остальные решили пока повременить.

А может, кто-то умный и осторожный сопоставил факты и вероятности. Ведь позвонил же в конце января им в Москву Вовка Умницкий, сокурсник и приятель Кирилла, ныне владелец городского коммерческого телеканала, и попросился в предвыборную команду. Сказал, что слухи ходят по городу, что Кирилл будет баллотироваться в губернаторы. И что он, Вовка, предлагает свою помощь и посильное участие.

Передача... Да, передача стала бы хорошей фишкой, не требуя она столько времени и сил. Еженедельно шнырять по области, выискивая ударные темы и подавать их так, чтобы за душу брало. А потом добиться, чтобы на сюжеты среагировали власти и чиновники... Сизифов труд. Эти бегемоты такую шкуру толстую отрастили, такой иммунитет к жалобам и уколам прессы приобрели, что если их и проймают сюжеты, так только те, что центральные каналы покажут. А откуда у них деньги центральным каналам платить? Тот же НТВ такую сумму заломит, целый фильм снять хватит! Стоп... Фильм!

– Вовка, а много уже твоя корреспондентка наснимала? Ну та, которая под прицелом? – спросила она Умницкого, стараясь не упустить забрезжившую мысль.

– Да порядочно. Год уже передача идёт. Между прочим, с хорошим рейтингом, после каждого эфира писем мешок и звонков куча. Благодарные телезрители сообщают очередные факты и зовут приехать к ним на съёмки.

– А эта твоя Люся Ложкина...

– Олеся Лужина.

– Ну да! Она действительно толковая девчонка?

– Да она репортёр от Бога! Нахальная, шустрая, никого не боится, везде пролезет, Когда в нашем роддоме старшую накрыли, которая младенцев за границу продавала, Олеська умудрилась в родильное отделение пробраться и интервью взять у санитарки и одной из этих малолеток, что от мла-

денцев отказывались! Эксклюзив, между прочим, получился, журналистов туда вообще-то не пускали!

– Скажи, а может твоя Лужина потрясти архив и проанализировать, что там до сих пор актуально и что в эфире прогремит, как следует?

– Сможет, конечно, – кивнул Вовка, всё ещё не понимая, к чему клонит Анна.

– Ань, ты что, хочешь таким образом снизить расходы на передачу? Но это всё равно геморрой страшный! – Кирилл тоже не понимал.

– Нет, Кирюш. Я думаю, нам с тобой надо сделать фильм. Помнишь, у Говорухина был в конце восьмидесятых «Так жить нельзя»? Вот и нам нужно сделать нечто подобное. На местном материале. И проанонсировать его в центральной прессе. И не платить за эфир, а продать фильм кому-нибудь. Тому же НТВ. Или первой кнопке.

– Ань, но это должен быть очень хороший фильм, – Кирилл перестал поигрывать ручкой, сел прямо и внимательно смотрел на жену.

– Будет. Я вместе с Вовкиной Ложкиной...

– Лужиной!

– Не важно. Я вместе с этой твоей девочкой просмотрю материал, подумаю, напишу примерный сценарий. Кирюха выпишет хорошего оператора, например, того же Бориса Степанова, который прошлый фильм снимал, поедит с ним на съёмки, в кадре поработает. Кир, помнишь, как Парфенов

в своём «Намедни» ходил? Вот что-то в этом роде, дашь эффект личного присутствия. Чиновников потрясёшь, надо будет, снимешь скрытой камерой. Представляешь, какая штука может получиться?

– Представляю! – Кирилл опять откинулся в кресле и смотрел на жену с ошеломлённой улыбкой. – Ань, по-моему, это потрясающая идея. И по деньгам вполне подъёмная.

– Да, – кивнула Анна. – Так что, Вовка, на следующей неделе я приезжаю в наш город, ты знакомишь меня с Лужиной, и мы начинаем с ней добывать изюм.

– Какой изюм? – опять не понял Умницкий.

– В передаче должна быть основная идея, изюминка, стержень, на который нанизывается сюжет. Вот я и посмотрю, что в материалах твоей репортёрши может стать такой изюминкой.

На обед Арсений вместе с тихой смуглянкой – как выяснилось, её звали Оленька – сварили гречку с соевым фаршем. Добавил в котёл приправы из пакетика, плеснул душистого масла из бутылки, и каша получилась на удивление вкусной. Анна положила немного на дно своей литровой кружки – жестяная и очень лвзята с собой за вес и была выбрана – съела пару ложек, оценила вкус и с удивлением обнаружила, что совершенно не голодна. Однако! Попить чайку в поезде, затем пройти по перевалу километров двадцать, за весь день съесть пару кружочков кураги и не чувствовать

голода! Определённо, с ней что-то происходит. Может быть её организм, измученный затяжным обжорством, решил сделать паузу?

После того ужасного звонка она вдруг стала много и часто есть. Просто запихивала в себя, как в топку, бесконечные конфеты, сырки, куриные крылышки, будто надеялась, что вместе с едой переварятся все те тоскливые и тёмные мысли, что донимали днями и не давали спать по ночам. И действительно, после приступов обжорства тоска ненадолго отступала. Но не переваривалась, а откладывалась складками на боках и животе – всего за две недели Анна прибавила четыре килограмма и не влезала в джинсы. Пришлось в поход старые Жанкины брать, а она, между прочим, носит пятидесятый размер.

Анна съела ещё ложку каши – вкусно, но не лезет! – и поискала, куда бы вывалить остаток.

– Народ, – сказал Арсений, накладывая себе добавки, – предлагаю подумать, кто с кем будет дежурить. Дежури́м по двое, один отвечает за костёр, второй, а лучше – вторая, за кашу. И ещё нужно решить, кто отвечает за дрова.

– Чур, я, чур, – я за дрова! – Янка отвлеклась от своего горшочка (её пузатенька фаянсовая чашка-кружка именно на него и походила – на ночной горшок) и, словно школьница, затрясла поднятой вверх рукой. – Обожаю рубить дрова и ненавижу готовить!

– Ладно, отвечай, – согласно моргнул белёсыми ресница-

ми Арсений. – Да, вот ещё что. У меня предложение устроить круг прямо сейчас.

– Что устроить? – переспросил Андрей, примеряясь доложить каши себе и сыну Павлику.

– Круг, круг, подведение итогов дня. Обычно мы такие вещи вечером перед сном устраиваем, но я предлагаю сделать это прямо сейчас. Во-первых, познакомимся, а во-вторых тот, кто устал, сможет лечь спать пораньше.

– Давайте, давайте устроим, – захлопала в ладоши блондинка. – У меня уже столько впечатлений!

– Тогда можем начинать. Кстати, если кто-то хочет на время похода назваться другим именем, хочет прожить этот кусочек жизни как другой человек, он может это сделать. Я, например, предпочитаю, чтобы в лесу меня звали Лесовик.

– А меня зовите Ида, я буду Ида, – мечтательно сказала блондинка. – Я буду идти по берегу этого замечательного озера, идти, идти, всё останется позади, и звать меня будут Ида...

– А я беру себе имя Медея, – сказала девушка с бесстрастным лицом и обвела всех спокойным холодным взглядом.

– Отличное имя, – кивнул Арсений-Лесовик. – Вась, а ты у нас теперь кто?

– А я теперь буду Климентий, – задумчиво сказал Вася-«испанец». – Что-то я тут подумал, подумал и решил, что пора мне побыть Климентием.

– Климентий! – попробовала новое имя Янка и развесе-

лилась. – Слушай, а давай я тебя буду Ментиком звать!

– Не надо меня звать Ментиком, я Климентий, – не согласился бывший Вася.

– Янка, а ты у нас кто будешь? – прервал Янкино веселье Лесовик-Арсений.

– Янка и буду, меня моё имя устраивает, – пожала плечами та и вдруг заорала в сторону Анны: – Ой, ой, пока не знаю, как тебя зовут, оставь покурить, а?

Анна оглянулась – за её спиной попыхивал трубочкой отец семейства, муж Риммы.

– Женя меня зовут, Евгений Верещагин, – невозмутимо сказал он и протянул Янке трубку. Та сделала затяжку и, щекастая, приземистая, с «ночным горшком» в руках и трубкой в зубах стала похожа на атаманшу из какой-то сказки в стиле «сюр».

– Я Римма, это Дина, – остальные Верещагины тоже решили оставить себе родные имена.

– А я хочу поменять имя. – девушка, которая недавно купалась голышом в озере и стеснялась говорить Анне «ты», смотрела в огонь напряжённым взглядом. – Есть одно имя, с которым у меня связаны очень неприятные воспоминания и переживания. Я хочу избавиться от этой зависимости. И поэтому пока я здесь, пусть я буду Майя.

«Ого!» – внутренне охнула Анна. Надо же, как она с именем угадала! Майя из племени майя!

– Анна, а ты? – спросил Арсений. Пришла её очередь

представляться.

– А я Анна. Я не хочу быть кем-то другим. Пусть всё, что здесь случится, случится со мной.

Арсений кивнул, а народ продолжал называться:

– Андрей.

– Павел

– Сергей

– Оля.

– Кирилл

«Ох, лучше б ты назвался Филимоном!»

Глава 5

– Мне нужна модель, – Лесовик огляделся и сделал жест, отказываясь от радостно подавшихся к нему Иды и Оленьки. – Нет, девчонки, не вы. Мне нужен мужик поздоровее. Вот, Андрей, например ты.

– Пожалуйста, – пожал плечами Андрей и вышел на середину.

После обеда прошло какое-то время и Арсений – Анна старательно себе напоминала, что он Лесовик, но новое имя в голове никак не укладывалось – теперь показывал, как работать с перегруженными мышцами спины и плеч.

– Вот, смотрите, – Лесовик положил Андрею между лопаток свой довольно увесистый на вид кулак и плотно прижал руку к спине. – От локтя до кулака у вас как бы рычаг, и вы им двигаете по спине, как бы раздвигая мышцы. Двигаете по окружности или по восьмёрке. Андрей, а ты не сопротивляешься моим движениям, а принимаешь их и пропускаешь, позволяя мне двигаться. Давай!

Лесовик задвигал кулачищем по спине Андрея, и тот начал поддаваться, побряхтывая от, по всей видимости – болезненных, – разминаний.

– Не терпи, звучи! – велел Лесовик, и Андрей закричал погромче, явно стесняясь орать в голос при всём честном

народе. – Вот так мы стесняемся и консервируем в себе всяческие зажимы, – прокомментировал Лесовик. – А их надо выпускать, и если требуется – орать.

Он как-то особенно тщательно провёл локтем по пояснице Андрея, тот аж присел, поддаваясь траектории, и вдруг рывкнул во весь голос.

– Вот! – обрадовался Лесовик, прорываясь через общий смех и аплодисменты. – Наконец-то проняло. Ну, как ощущения?

– Ты знаешь, хорошие, – недоверчиво пошевелил плечами Андрей. – Вообще ничего не болит. Спасибо.

– На здоровье. А теперь разберитесь, кто с кем, и проделайте в парах то же самое.

Анна встала в пару с Оленькой – девочка оказалась толковой и с некоторым опытом. Она кулаком и локтем как-то так вымешивала Анне плечи и между лопатками, что мышцы, натруженные рюкзаком и обещавшие назавтра разболеться по полной программе, вдруг передумали. После непродолжительных Аннинных стонов и побряхтываний они распустили все свои узелки и растекались в благодарной расслабленности. Потом попробовала Анна – рука, жёсткая от кулака до локтя, двигалась по чужой спине восьмёркой, и Оленькины косточки прогибались, будто резиновые. Девчонка вскрикивала, Анна боялась, что повредила что-нибудь с непривычки, но Оленька успокаивала, что всё идёт правильно.

Потом они растягивались друг у друга на спинах, но тут

уже ни Анна, ни Оленька не решились поднимать одна другую. Тоненькую Оленьку, в итоге, потянул Андрей. Анна же, поглядев, как более хрупкий, чем Андрей, Кирилл уверенно растягивает Янку: взвалил спиной к себе на спину, стоит, согнувшись, за руки её тянет и слегка покачивается, чтобы та в пояснице потянулась (она лежит, ноги свесила, голову запрокинула, побряхтывает), решила, что её тело ну никак не тяжелее.

– Кирилл, меня потянешь?

– Давай! Поднимай руки.

Кирилл крепко обхватил её за кисти, согнулся, как-то ловко поддев поясницу, приподнял спину, и Анна почувствовала, как расправляются позвонки. И ещё почувствовала, как надежно ей лежится на его спине, как крепко он её держит. И отчего-то стало так хорошо, так благодарно, что захотелось погладить Кирилла по щеке. Она и погладила – мазнула легко пальцами, соскальзывая с его спины. И тут же испугалась, что зря она это сделала, напрасно, что он поймёт её как-нибудь не так. И когда они после занятий расселись у костра, Анна выбрала место подальше от Кирилла.

И тем не менее, вся эта работа с телом ей понравилась. А для многих – Иды, Медеи, Васи-Климентия, Оленьки, Кирилла – это занятие было не в новинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.